

Э Н Н Л е к и

БАШНЯ ВОРОНА

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБРЕТАЕТ ПО ХОДУ МИФИЧЕСКИЕ, ДАЖЕ МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ
СВОЙСТВА... А ВПЛЕТАЕМЫЕ В НЕГО ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИИ ПРИВОДЯТ
К ОШЕЛОМЛЯЮЩЕМУ ФИНАЛУ.

P U B L I S H E R S W E E K L Y

Звезды новой фэнтези

Энн Леки
Башня Ворона

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Леки Э.

Башня Ворона / Э. Леки — «Азбука-Аттикус», 2019 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-21964-9

Лорд Мават возвращается в родной город, чтобы взойти на престол после обряда самозаклания отца. Таков древний ритуал передачи власти, учрежденный самим покровителем Ирадена, древним могущественным богом по имени Ворон. В башне крепости Вастай, с вершины которой бог обзревает свои владения, уже должно быть все подготовлено, остается лишь совершить обряд. И тут происходит невероятное. Отец наследника исчезает, а его место занимает вероломный и неуступчивый родственник. И он вовсе не собирается возвращать лорду престол. Но как такое могло случиться?! Ведь в Ирадене это возможно только волею самого Ворона. Что же заставило бога нарушить вековой ритуал?.. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21964-9

© Леки Э., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Башня ворона	10
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Энн Леки

Башня Ворона

Copyright © 2019 by Ann Leckie

All rights reserved

Во внутреннем оформлении книги использованы материалы

© SHUTTERSTOCK/FOTODOM/RYGGER

© А. А. Петрушина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

УЖЕ

БЛИЗИТСЯ

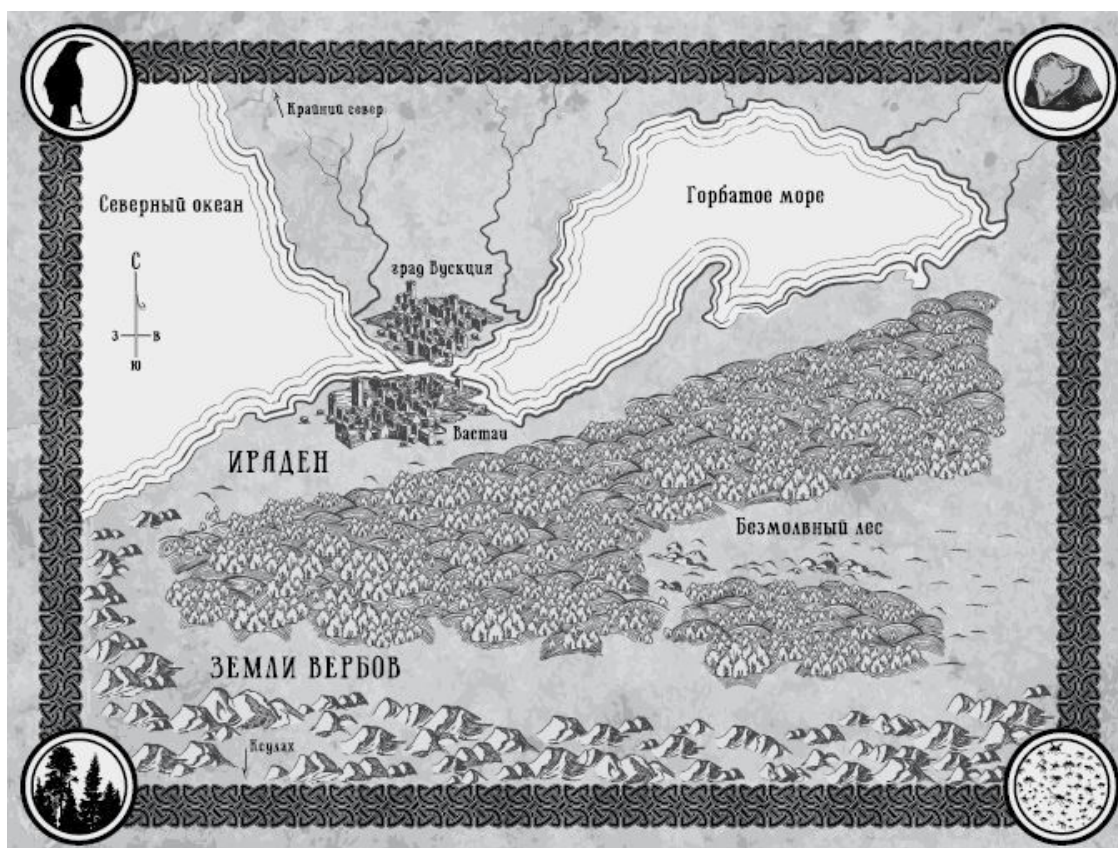

ВОЗМЕЗДИЯ

Башня ворона

В нашу первую встречу ты выехал из леса, миновал высокие пучеглазые жертвенные столбы, отмечавшие лесную границу; твоя лошадь передвигалась шагом. Подле держался в седле небезызвестный мне Мават, высокий, широкоплечий; десятки длинных кос перехвачены сзади ободом с перьями золотой чеканки, темно-серый плащ подбит синим шелком. На предплечьях мерцают золотые обручи. Он рассеянно улыбался, что-то говорил тебе, однако взгляд его был прикован к крепости Вастаи на крохотном полуострове в двенадцати милях впереди – двух- и трехэтажным постройкам, окруженным бледно-желтой стеной из известняка, чьи края смыкались на круглой башне у самого моря. По ее сухопутную сторону раскинулся городок, обнесенный земляным валом. Чайки носились над голыми мачтами редких кораблей в порту, над серыми волнами с барашками пены и белеющими вдали парусами. Через пролив едва виднелись белокаменные здания и многочисленные корабли града Вускций.

Хорошо знакомый с Маватом – и Вастаи, – я сосредоточился на тебе, коего видел впервые. Ростом пониже Мавата, суетливый, что немудрено, ведь крестьянскому сословию, откуда ты родом, неведомы обильные пиршества Вастаи. Волос обрезан почти под корень, из золота лишь браслет да рукоять ножа; штаны, рубаха, плащ добротные, крепкие, но из мрачного зеленого и коричневого сукна. Черенок меча деревянный, обтянут кожей. Даже на шаге ты едва

держался в седле. Скорее всего, тебя разбудили спозаранку и заставили трое суток скакать без сна и отдыха. Впрочем, по манере держаться чувствовалось, что, прежде чем податься в воины, ты редко ездил верхом.

– Мы успели вовремя, – рассуждал Мават. – Аватар, по всей видимости, жив и здоров, иначе над башнями бы веяли траурные флаги, а на площади царил переполох. Да и случись все иначе, спешить и вовсе не было б нужды. И тебе, и лошадям пойдет во благо, если остаток пути мы проделаем шагом.

Но тут он заметил выражение твоего лица и добавил:

– Тебя что-то тревожит?

– Просто...

Ты ответил не сразу, собирался с духом. Очевидно, Мавату ты доверял больше, чем кому-либо, в противном случае не ехал бы рядом. Не только доверял, но и рассчитывал на взаимное доверие. Впрочем, ему полагаться на тебя было сподручнее, ведь он обладал над тобою безграничной властью, меж тем ты не имел над ним никакой.

– Просто о таких вещах не говорят, мой господин.

Не говорят, даже в Вастаи. Если вы не Глашатай Ворона, его преемник или ближайший родственник.

И не их слуга. Люди всегда забывают про слуг.

– Я не сказал ничего непозволительного или тайного, – возразил Мават.

Не покорила ли его спутника беспечность, с какой он рассуждал о неминуемой смерти отца? Ибо Глашатай Ворона из Ирадена обязан умереть вслед за аватаром. В качестве преемника Мават взойдет на скамью и обязуется последовать в могилу сразу после аватара.

Для простого люда отец Мавата оказался не самым плохим правителем. Не сказать, чтобы он отличался щедростью или крестьяне благоденствовали под его эгидой, однако все могло обернуться гораздо хуже, поэтому появления нового Глашатая ждали с опаской и всячески желали отцу Мавата долголетия. Потому он правил бессменно с самого твоего рождения по сей день.

Какое-то время вы ехали молча; по сторонам дороги раскинулись поля с разбросанными там и сям отарами овец, высоко в небе парили два ворона – черные силуэты на фоне безоблачной синевы.

Мават хмурился, размышлял и наконец изрек:

– Эоло.

Ты настороженно повернулся к нему:

– Да, мой господин?

– Знаю, что обещал не лезть не в свое дело, но... Глашатаем я смогу просить об одолжении. Разумеется, просить дозволено всякому, но не всякого Ворон станет слушать. Да и не всякий захочет платить. Меня Ворон, по крайней мере, выслушает, а за услугу я расплатился сполна. Или вот-вот расплачусь. С лихвой. Ворон – бог могущественный. Он в силах... в силах помочь тебе... – Мават неопределенно взмахнул рукой. – Обрести желанную ипостась.

– Я доволен нынешней, мой господин, – огрызнулся ты и, помолчав, добавил: – И отправился за тобой вовсе не затем.

– Естественно, доволен.

Мавата покорила твоя отповедь, однако он быстро совладал с собою.

– Потому и отправился за мной. – Он виновато улыбнулся. – А еще потому, что я поднял тебя чуть свет и велел запрягать. Трое суток ты безропотно сносил тяготы дороги, хотя в седле держишься не очень уверенно, и сейчас у тебя все болит.

– Сомневаюсь, что мне это нужно, – присовокупил ты чуть погодя.

– Сомневаешься? – изумился Мават. – Но почему? Подумай, насколько проще тебе станет жить без бандажей и необходимости хранить секрет.

Ответа не последовало, и Мават спохватился:

– Вот теперь я точно лезу не в свое дело.

– Да, мой господин. – Несмотря на миролюбивый тон, твой голос звучал напряженно.

– Хорошо, отстал, – засмеялся Мават. – В конце концов, решать тебе.

– Да, мой господин, – повторил ты.

Остаток пути проделали молча.

Вастаи – крохотный городок в сравнении с Кибалом, коему Мават обязан своим шелковым плащом. Или с далеким Зиретом, о котором в Ирадене никто и не слыхивал. Или с Ксулахом, что раскинулся на жарком засушливом юге. На их фоне, даже на фоне града Вускции, Вастаи смотрелся лилипутом.

Ты ехал позади Мавата по узким мощеным улочкам Вастаи. Местные обитатели в домашних одеждах унылых болотных и коричневых тонов, среди которых, впрочем, попадались яркие пятна богатых нарядов, шарахались от вас и, потупившись, жались к желтушным известняковым стенам. Тебе как чужестранцу было невдомек, что улицы городка подозрительно безлюдны для погожего солнечного денька и скопления лодок в порту.

Мават словно не замечал странностей. Едва вы пересекли границу леса, он занервничал, хотя старался не подавать виду. Сейчас его настрой переменялся, а помыслы сосредоточились на двойственной цели поездки: стать свидетелем смерти отца и взойти на скамью. Не останавливаясь, не замедляя шага, не оборачиваясь проверить, следуешь ли ты за ним, Мават пересек площадь, отделявшую вас от крепостных ворот, и въехал во двор, вымощенный все тем же желтым камнем. Во дворе располагался длинный приземистый трактир с примыкающей к нему кухней; конюшни, склады; двухэтажные здания с конторами и квартирами. Посреди двора виднелся широкий круг колодца. Неподалеку высилась башня. Все постройки были сложены из желтого известняка.

Ты вздрогнул, когда ворон опустился на луку твоего седла.

– Не тревожься, – успокоил Мават. – Это не он.

– Привет, привет, – заверещал ворон.

Пока ты изумленно таращился на птицу, Мават спрыгнул на землю. Слуги тотчас взяли коня под уздцы. Мават жестом велел тебе спешиться, чтобы уже другие конюхи увели скакуна в стойло.

– Приятно наконец слезть с седла? – добродушно осведомился Мават, однако в улыбке сквозило ехидство.

– Да, мой господин, – чуть озадаченно откликнулся ты.

Ворон не шелохнулся, пока коня вели прочь. Очевидно, на языке у тебя вертелось множество вопросов, но все их вытеснил исполох зеленого и алого шелков. Обернувшись, ты увидел высокую смуглянку, шествовавшую с корзиной чесаной пряжи на голове; золотые и стеклянные бусины в ее волосах звякали друг о друга.

– Эге! – От Мавата не укрылось, как ты глазел на быстроногую красотку в развевающихся юбках. – Заинтересовался?

– Кто эта леди? – выпалил ты и сконфуженно забормотал: – Просто она такая... такая...
Докончить тебе не удалось.

– Да, она такая, – подтвердил Мават. – Это Тиказ, дочь Радиха.

Знакомое имя. Наверняка Мават поминал его не раз, редкий человек в Ирадене не слышал про лорда Радиха, старейшину Распорядительного совета, самого высокопоставленного советника при Глашатае и, пожалуй, одного из влиятельнейших людей во всей стране.

– Вот как, – глухо произнес ты.

Мават издал короткий смешок:

– В детстве мы худо-бедно дружили. Ее отец мечтал, чтобы мы поженились, ну или хотя бы зачали младенца, потенциального кандидата на скамью. Признаться, я был не прочь. Да вот Тиказ... – Мават взмахнул рукой, словно отгоняя какую-то мысль. – Тиказ – птица вольная. Ладно, идем в трактир, узнаем...

Его перебил слуга в свободной черной блузе башенного смотрителя.

– Лорд Мават, – почтительно поклонился он, – Глашатай желает вас видеть.

– Разумеется, – откликнулся Мават с чуть принужденной любезностью.

Ты на мгновение растерялся, но, сообразив, что в Вастаи необходимо тщательно следить не только за словами, но и за мимикой, навесил на лицо самую благодушную гримасу.

– Ступай за мной, – коротко бросил Мават не терпящим возражений тоном.

Не дожидаясь твоего ответа, он зашагал по мощенному желтым известняком двору. Естественно, ты двинулся следом.

Башня Ворона считается башней лишь на фоне прочих строений. Расположенная на самом краю крохотного полуострова, занятого крепостью Вастаи, башня представляет собой округлое трехэтажное здание из желтоватого камня с парапетом на крыше. Единственный широкий проход ведет в глухой, без единого окна, цокольный этаж. Часовые у двери не удостоили Мавата взглядом и не шелохнулись, когда вы проходили мимо. Пол в цоколе, предсказуемо вымощенный желтым известняком, был устлан тростниковыми циновками; у подножия лестницы, поднимавшейся вдоль изогнутой стены, маячил единственный охранник. Он пытался преградить вам путь, но Мават уже взбирался по ступеням – подбородок вздернут, плечи расправлены, поступь твердая, но размеренная. Ты шел за ним по пятам. У лестницы помедлил, косясь на охранника, застывшего в замешательстве, однако порыв солидарности быстро миновал. Твоя напускная непринужденность на лице периодически сменялась недоумением. Неискушенный в коварстве и интригах, обыденных для Вастаи, для новичка ты тем не менее справлялся очень неплохо.

В башне стоял гул – несмолкаемый, низкий, едва различимый. Слышали его единицы. Полагаю, ты в том числе – потому сначала и посмотрел на сапоги, потом на правую стену, а после чуть накренил голову, словно силясь уловить слабый звук. Но вот ступени кончились, и ты очутился в широкой круглой зале. Мават сделал три шага вперед – и застыл как вкопанный.

На помосте высилась деревянная скамья, украшенная резным орнаментом из листьев и крыл. Подле скамьи преклонил колени мужчина в серой шелковой тунике с алой вышивкой. Напротив стояла женщина в темно-синем одеянии, с копной коротких седых волос. А в центре восседал человек, облаченный во все белое: белоснежную рубаху, трико, белоснежный плащ. В безупречной белизне ощущался божественный промысел – либо труд не одного десятка слуг, занятых бесконечной стиркой и отбеливанием.

Разумеется, ты принял человека в белом за Глашатая Ворона, отца Мавата. Более никто не смел восседать на постаменте – впрочем, никто бы и не дерзнул. Всякому в Ирадене известно: сесть на скамью и не погибнуть дозволено лишь с благословения Ворона. Ты сразу определил правителя, хотя видел его впервые.

По резким чертам лица ты узнал коленопреклоненного мужчину, с чьей дочерью столкнулся во дворе; но даже не случись этой встречи, угадать лорда Радиха было нетрудно: кто, кроме старейшины Распорядительного совета, отважился бы так близко подойти к Глашатаю? Оставалась женщина – Зизуми из Безмолвных. За пределами Вастаи собрания Безмолвных превратились в пирушки для старых сплетниц, однако затевалось все как тайный религиозный орден. В деревнях и по сей день совершают обряды, призванные насытить и умиловить богов, давно покинувших Ираден. В городе же Безмолвные играют не последнюю роль при дворе Глашатая.

Перед скамьей выстроились трое ксуланцев – голоногих, в коротких плащах, туниках и сапогах с открытыми носами. Четвертый, одетый более подобающим образом, в куртку и штаны, беседовал с Глашатаем:

– ...С единственной целью – пересечь пролив, о великодушный и милостивый. Только эти выходцы из Ксулаха вместе со слугами, проделавшие долгий путь с юга на север.

– Путь и впрямь неблизкий, – заметил лорд Радих. – Ведь на севере лишь лед и горы.

– Они мечтают узреть неведомые доселе края, – пояснил человек в куртке и штанах. – А когда насмотрятся вволю, воротятся домой, если, конечно, не сгинут по дороге, и напишут книгу о своих странствиях, дабы снискать почет и уважение среди земляков.

Ты наблюдал за происходящим, глядя то на облаченного в белое Глашатая, то на полураздетых ксуланцев. Ты наверняка слышал о Ксулахе. Время от времени товары оттуда кочуют через горы к вербам – народу, обитающему на юге Ирадена. Или попадают напрямик на корабль. Любое сколь-нибудь крупное судно, курсирующее меж Горбатым морем и Северным океаном, должно пересечь пролив и, как следствие, уплатить дань правителям Ирадена и града Вускции. Благодаря этому Глашатай, Распорядительный совет и видные представители Безмолвных носят шелка, пьют вина, а по праздникам вкушают залитые медом фиги.

Мават тоже не отводил глаз. Но не от ксуланцев, а от Глашатая. Потом недоверчиво моргнул, перевел взгляд на Радиха, с него, нахмурившись, на Зизуми, и снова на Глашатая.

– С приездом, Мават! – объявил тот. – Добро пожаловать домой.

Мават не шелохнулся и не проронил ни слова.

Только сейчас ты заметил, насколько он потрясен, ошарашен, словно вместо теплого приема получил от родной обители удар в спину. Его будто сковал паралич, дыхание перехватило.

– Мой преемник, – пояснил мужчина в белом, ничуть не смущенный молчанием Мавата.

Ксуланцы косились на гостя кто оценивающе, кто с любопытством.

– Подойди, Мават, – поманил его Глашатай.

Радих с Зизуми изваяниями застыли по обе стороны скамьи.

Мават не двинулся с места. Мгновение спустя Глашатай вновь обратился к иноземцам:

– Я обдумаю вашу просьбу и завтра дам ответ.

Такой исход огорчил первого из троицы, а после перевода к нему примкнули оставшиеся двое. Они мрачно глянули на толмача, потом друг на друга и, сощурившись, обернулись к третьему. Тот вытянулся перед Глашатаем и с сильным заморским акцентом произнес:

– Спасибо, что уделил нам время, великий царь.

Глашатай вовсе не царь, а само слово заимствовано из вербского – языка, распространенного в южной части Ирадена. Полагаю, ты владеешь им превосходно. Отвесив глубокий поклон, ксуланцы удалились.

– Что я вижу? – бесцветным тоном спросил Мават. – Как сие понимать?

В зале повисла мертвая тишина; лишь нескончаемый гул, едва различимый, но осязаемый, будто пол вибрировал под ногами, нарушал ее.

– Где мой отец? – процедил Мават, не дождавшись ответа. – И почему ты восседаешь на его месте?

Признайся, не ожидал? Ты ведь принял человека на скамье за отца Мавата, служившего Глашатаем Ворона всю твою жизнь. Откуда тебе было знать, что это не он?

– Господин Мават, – вклинился Радих. – При всем уважении, помните, с кем говорите!

– Я говорю со своим дядей Гибалом, – все так же бесстрастно откликнулся Мават. – Живым и здравствующим, кой восседает на месте Глашатая, хотя занимать его вправе лишь мой отец. Если только Ворон не умер и Глашатай не последовал за ним. Но коли так, разве башню не должны задрапировать черным, а обитатели крепости не должны носить траур?

Он полоснул взглядом по синим одеждам Зизуми:

– Разве скамья не должна пустовать, пока я не взойду на нее?

– Возникло осложнение, – поспешила оправдаться Зизуми. – Едва мы отправили к тебе гонца, аватар скончался. Скоропостижно.

– Я по-прежнему теряюсь в догадках, матушка Зизуми.

– Именно осложнение, – поддакнул Радих, не поднимаясь с колен. – Удачное слово, великолепно передает суть.

– Племянник, – голосом, поразительно похожим на Маватов, заговорил Гибал, – понимаю, ты обескуражен. Но поверь, мы не могли поступить иначе. Когда скончался аватар, мы послали за твоим отцом, но... Он как сквозь землю провалился.

– Как сквозь землю провалился, – эхом вторил Мават.

– Вывод, господин Мават, напрашивается только один: ваш отец дезертировал, дабы избежать расплаты, – заключил Радих.

– Нет, – замотал головой Мават, – немыслимо. Мой отец не дезертир.

– С тех пор о нем ни слуху ни духу, – добавила Зизуми. – Представляю, какой это удар для тебя, Мават. Мы все потрясены.

– Вы еще раскаетесь в своих словах, – все тем же ровным ледяным тоном заверил Мават. – Мой отец не дезертир.

– Тем не менее его нигде нет, – упорствовал Радих. – Ни в башне, ни в крепости, ни в городе. Мы спрашивали у Ворона, где искать вашего отца, – хотя непросто беседовать с богом, утратившим вместилище, – спрашивали, что случилось. Однако ответ получили двусмысленный.

– И каков же был ответ? – осведомился Мават.

– «Сие недопустимо. Уже близится час возмездия», – процитировал Радих.

– Ты был в трех днях езды, – подхватила Зизуми, – а неотложные дела требовали присутствия Глашатая.

– Под неотложными делами ты понимаешь прием горстки трясущихся ксуланцев? – Голос Мавата звенел от ярости.

– Давно ты не навещался в Вастаи, племянник. Очень давно, – сокрушенно заметил облаченный в белое Гибал. – Нам хабарнее ладить с ксуланцами, ведь они поставляют не только вино и шелка, но еще оружие и искусных воинов, готовых за мзду помочь одолеть вербов, которые, как тебе известно, теснят нас на юго-западе.

– Само собой, могучий Ксулах одолжит нам армию, а после, по доброте душевной, отзовет ее обратно, стоит только попросить, – съязвил Мават.

– Преемнику Глашатая не к лицу ехидство, – укоризненно произнес Гибал.

– Зароков никто не давал. Подрядов не заключал, условий не обговаривал, – перечислял Радих. – Речь о банальной предосторожности и здравом смысле. Глашатаю надобно смотреть в будущее.

– Воистину, – кивнул Гибал. – В свете последних событий тебе лучше пренебречь службой на границе и остаться здесь, вникнуть, чем живет Вастаи, с какими напастями борется. У нас достаточно воинов, чтобы сдерживать нашествие кровожадных вербов; а преемник у скамьи всего один.

– Мой отец не дезертир, – все так же бесстрастно объявил Мават. – А ты занял мое место. И я желаю выпросить у Ворона почему. Я в своем праве.

Мават не доверился бы тебе и не привез сюда, не обладай ты острым умом, способным верно оценить обстановку. У Мавата была единственная цель – после смерти отца взойти на скамью и править Ираденем, а в назначенный час умереть, дабы укрепить силу Ворона на благо страны.

Титул Глашатая сулил многие привилегии и возможность править (на паях с Распорядительным советом) не только в Ирадене, но и в граде Вускции через пролив. Однако за все нужно платить: через два дня после смерти аватара – птицы-воплощения бога, что зовется Вороном, – Глашатай должен умереть, добровольно принести себя в жертву. Пока очередной аватар созрел в яйце, новый Глашатай водворялся на скамье и давал торжественный обет. Процесс занимал несколько дней. Вороний птенец хоть и служил вместилищем бога, но проклевывался, как и полагается, лишь через месяц. Впрочем, это не нарушало заведенного порядка: пока яйцо зрело, Глашатай успевал умереть, а преемник – занять его место.

Взойти на скамью почиталось за великую честь, но, как ты наверняка догадался, разделить ее стремились немногие. Честолюбцы метили либо в Распорядительный совет, либо в Материнский орден Безмолвных, где за влияние и власть не нужно расплачиваться головой. Потенциальных Глашатаев обычно готовили с детства (и Мават тому наглядный пример), но, несмотря на престиж и ощутимый авторитет, будущее не сулило им ничего радужного, откажись они исполнить предназначение.

– Узурпировать место Глашатая невозможно, – парировал Гибал. – Посягни я на скамью без дозволения Ворона, мгновенно бы превратился в холодный труп. Ради Ирадена мне пришлось пойти на риск. А докучать богу вопросами нет никакой нужды. Ты проделал долгий, утомительный путь, и тут такое потрясение. Ступай, племянник и преемник, отдохни, поешь. После поговорим.

– Не горячись, Мават, – вразумляла Зизуми. – Пойми, у нас не было выбора, да и титул преемника остается за тобой. Ты ничего не потерял.

– За исключением отца, – отрезал Мават и снова повторил: – Он не дезертир.

Видел ли ты его таким раньше? Добродушный балагур и весельчак, до сих пор он шел проторенной дорожкой, предвкушая почет и блага, кои сулил ему Ираден. Но если Мават ставил перед собой цель, то вцеплялся в нее мертвой хваткой и не выпускал до последнего. Он делался угрюмым и безжалостным, так уж повелось с детства.

Если ты не видывал его таковым раньше, то узрел сейчас. Картина поразила тебя – или напугала. Не сводя с Мавата глаз, ты попятился и влоботорота схватился за стену – то ли удерживая равновесие, то ли из боязни сверзиться со ступенек. Развернувшись уже всем корпусом, уставился на свою руку, потом на сапоги, явственно ощутив слабую непрерывную вибрацию.

Слышишь меня, Эоло? Теперь слышишь?

Я взываю к тебе.

Для меня и мне подобных любые истории чреваты последствиями. Я должен либо говорить чистую правду, либо воплощать сказанное в реальность, иначе меня постигнет кара. К примеру, можно без опаски сказать: «Некий юноша ехал хоронить отца и вступать в наследство, однако обстоятельства сложились иначе». Уверен, такое случалось неоднократно, ведь умирающие отцы и наследующие им сыновья в мире не редкость. Но чтобы двигаться дальше, необходимы детали – конкретные поступки конкретных людей, влекущие за собой конкретные

последствия, – и вот тут по незнанию легко согрешить против истины. Для меня безопаснее излагать только проверенные факты. Либо обобщать. Либо присовокуплять в начале: «Слышал я вот какой сказ», перекладывая тем самым всю ответственность на первоисточник, чьи речи я передаю слово в слово.

Так о чем поведать? Слышал я, жили-были два брата, и первый мечтал отобрать все, чем владеет второй, – любой ценой.

А еще слышал про узника в башне.

А еще – про героя, пожертвовавшего собою ради друга.

Впрочем, есть у меня на примете история, ее и расскажу – без утайки.

Мое первое воспоминание – вода. Она повсюду, напирает со всех сторон, давит необъятной толщей. Тьма чередуется с тусклым колеблющимся светом. Махровые, похожие на цветы существа облепили океанское дно, их стебли колышутся в потоке, очищая воду для крохотных проплывающих мимо созданий. Рыбы с массивными, в броне из костяных пластин головами и алчущими пастьями. Шустрые ракоскорпионы и трилобиты, спиральные раковины аммонитов. В ту пору я не знал этих мудреных слов, не знал, что свет, когда он вспыхивает, идет от солнца и есть что-то, помимо вездесущей, всепоглощающей воды. Я только постигал – без суеты и порицания.

Разумеется, мир существовал и за пределами подводного царства. Воздух, суша, голые камни, кое-где поросшие мхом, и крохотные, без единого листочка растения. Позже появились деревья, папоротники, полчища проворных обладателей экзоскелета, скорпионы, пауки, сколопендры, а со временем к ним присоединились рыбы, чьи пращуры выбрались из океанских глубин. Я не разделял их стремления к перемене мест и их любознательности. Не терзался вопросами.

Вероятно, я возник задолго до самых ранних воспоминаний, однако утверждать не берусь. Постепенно трилобиты исчезли – случилось это после землетрясения, пошатнувшего океанский рельеф и взбаламутившего спокойные воды вокруг меня. Затем все надолго погрузилось в ледяной мрак. Покрытые костяной броней рыбы вымерли, и под водой воцарились зубастые обладатели чешуи. Минуло немало времени – не знаю сколько, никогда не пытался подсчитать, но, судя по накопленному впоследствии опыту, прошло не одно столетие, – океан начал мелеть и мелел, пока я, не приложив к тому ни малейших усилий, не очутился на суше.

Лишь тогда появилось смутное осознание, робкая догадка, что я отнюдь не единственный во вселенной и есть существа мне подобные.

Новая и сухая (по сравнению с предыдущей) эпоха изобиловала ползучими гадами: амфибиями всех мастей; приземистыми остроклювыми рептилиями, истребителями папоротников и хвоща; исполинскими длиннорылыми и саблезубыми хищниками; мелкими двуногими хищниками, смахивавшими на несуществующих пока птиц. И миниатюрными мохнатыми зверьками, чем-то похожими на собак, которым только предстояло появиться в далеком будущем.

Я ничуть не походил ни на земноводных, ни на рыб, ни на трилобитов. Когда боги бурей пронеслись среди холмов, служивших мне обителью, я не сразу угадал их. Твердь содрогалась, воздух поочередно делался то холодным и сухим, то раскаленным и влажным. Деревья качались, дыбились – и пригибались к земле. Близлежащий склон раскололся надвое и рухнул в долину. Протекавшая в отдалении река вышла из берегов и затопила холмы, сметая копоша-

щихся подле меня насекомых и птицеобразных рептилий. Меня бурный поток не сумел сдвинуть с места, однако почва подо мной надломилась.

Я много веков провел в неподвижном созерцании и научился различать обыденное. Мне довелось повидать немало яростных бурь. Чувствовать отголоски далеких землетрясений и вулканов. Но сейчас все было иначе. Впервые на моей памяти я ощутил страх.

Постепенно битва – а это была именно она – переместилась дальше. Однако зрелище потрясло меня до глубины души, заставив гадать, что это и повторится ли оно вновь.

Так я впервые узрел богов (не считая себя, конечно), хотя и не догадывался об этом. Все случилось так внезапно, так стремительно и напугало настолько, что я, вопреки обыкновению, начал целенаправленно озираться по сторонам, силясь постичь произошедшее.

Столетия спустя найдутся люди, готовые растолковать мое предназначение и обозначить мою истинную сущность. Собственно, с этим справились первые встречные. Однако в ту эпоху людей еще не существовало.

Удивлен? Принято считать, что боги не могли появиться вперед людей, ведь мы кормимся вашими подношениями и молитвами. Какой бог протянет на голодном пайке, без источника энергии?

Не знаю, за счет чего выживал. Знаю лишь, что выжил. До сих пор задаюсь вопросом, откуда виденные мною воинствующие боги черпали силы, чтобы передвигаться и крушить все на своем пути. Тем не менее откуда-то черпали – и не только они, но и многие другие, о ком мне довелось провести лишь спустя много-много лет. Когда большинство из них канули в небытие. Даже сейчас у некоторых богов сохранился суеверный страх перед Древними. Поговаривают, кое-кто из Древних здравствует по сей день. Невероятно могущественные, неуязвимые, по слухам, они способны воскрешать мертвых.

Впрочем, выяснилось все это многим позже. Пока я, незыблемый, наблюдал и предавался раздумьям, твари подле меня преображались; менялись растения, деревья. Мало-помалу трава вытеснила мох, появились первые цветы.

И птицы, хотя я и вообразить не мог, насколько они усложнят мне жизнь в будущем.

Уверен, ничто не помешало бы мне презреть оседлость и, по примеру других богов, странствовать по белу свету. Однако меня никогда не тянуло к перемене мест. Мне нравилось греться на солнышке, в ту пору сиявшему надо мной, – я радовался ему, наслаждался теплом, любовался закатами и восходами; месяц за месяцем оно перемещается по дуге в безоблачном небе. Любовался звездами, прочерчивающими ночную мглу, редкими кометами, ослепительными хвостами метеоров. Я жаждал познать других богов – познать, но не приобщиться к ним.

Я по-прежнему был абсолютно, безраздельно одинок. И в полном одиночестве любовался звездами – известно ли тебе, что помимо еженощной и годичной траектории у них имеется иной, более медленный цикл? Очень, очень медленный; с каким упоением я наблюдал за ним, пока мое одиночество не осквернили.

Но прежде меня сковало льдом. Не только меня, но и все вокруг. Казалось, мир навсегда превратился в ледник. Но постепенно лед начал таять. Мерзлая толща сровняла с землей мой давний пригорок и высившийся напротив него полуразрушенный холм, но, отступая, она оставляла после себя новые склоны из мелких камушков, валунов и грязи.

Очутившись поверх такой насыпи, я принялся гадать, что это было. Почему меня не расплющило необъятным ледяным пластом, почему не погребло под наметенными за столько веков завалами? Я удержался на поверхности и теперь покоился на новеньком округлом холме, а вокруг волнами разбегалась поросшая травой, без единого деревца степь.

Я не хотел покоиться подо льдом, и этого не произошло. В прошлом мне не хотелось прозябать на океанском дне, все глубже увязая в иле, и этого тоже не случилось. Замыслив что-либо, я начинал действовать, но так аккуратно и ненавязчиво, что сам этого не замечал.

Однажды ночью, пока я предавался раздумьям, небо прорезал огненный шар – ослепительный, ярче всех виденных мною звезд и комет. Он исчез где-то на западе, и вскоре по земле прокатилась ударная волна.

Сверху хлынул поток земли, грязи, воды и пыли, потянуло гарью. Солнце надолго заволокло туманом и дымом, а горизонт еще дольше тонул во мгле.

То было поистине знаменательное событие, однако подлинный его масштаб я осознал многим позже, когда впервые узрел людей.

Облаченные в оленьи шкуры, расшитые костями, камушками и раковинами, вооруженные костяными и деревянными копьями с заостренными сланцевыми наконечниками, они охотились на северных оленей и лосей. Сопровождали их, как мне чудилось, волки; потом, разумеется, выяснилось, что никакие это не волки, а их далекие-далекие потомки.

Люди разбили лагерь у подножия моего холма, развели огонь, опустошили заплечные сумки с грибами, ягодами и прочей снедью, собранной по пути. Одни стряпали, другие поддерживали костер, третьи исследовали топкие берега реки, лениво петлявшей по степи.

Какой-то человек взобрался по склону и обратился ко мне. Я ни капли не удивился, поскольку не придавал этому значения. Звери осаждали меня постоянно, чтобы сделать свои звериные дела, поэтому я не устаивал двуногих животных вниманием, пока человек не плеснул молока к моему основанию.

Теперь-то понятно, чем привлек меня этот жест, чем заинтриговало молоко и действия разлившего его человека, который не прекращал своего монолога. Но в тот момент я даже не догадывался о причинах. Дабы не утомлять тебя подробностями своего невежества, объясню напрямик.

Человеком оказалась жрица племени. От своего предшественника, который обучался у своего предшественника, тот – у своего предшественника и так далее, она усвоила главное: всегда и везде искать божественное присутствие. Вестниками богов выступали редкие звери (белоснежный олень, исполинский орел, практически вымершие к тому моменту мамонты) или необычные природные явления. Столкнувшись с уникальным образчиком, жрец обращался к нему с заготовленной речью, сопровождавшейся конкретными действиями и подношениями. Так продолжалось годами, иногда поколениями – подробности ритуала передавались из уст в уста – и длилось до тех пор, пока бог не снисходил до ответа либо пока бесконечные странствия не забрасывали жрецов в далекие края, прочь от вероятной божественной сущности. Наведавшаяся ко мне жрица обладала незаурядным терпением. По личному опыту и по опыту предков она знала: обучение бога языку – процесс затяжной и кропотливый.

Именно обучением и занималась она с преемниками. Речью я овладел не сразу – но по своим меркам довольно быстро, спустя всего несколько поколений наставников. Человеческий мозг распознает и постигает язык с лету, младенцы уже вскоре после рождения реагируют на определенные слова, не зря большинство обретает языковой навык на слух, не прикладывая к этому ни малейших усилий. Не будучи человеческим детенышем, я даже не помышлял о таких навыках.

Бог, лишенный дара речи? Чепуха, вздор, возразишь ты. Одно о богах известно доподлинно – свою мощь они являют через слова. Божественные уста изрекают только непреложные истины; все, сказанное богом, претворяется в жизнь (если, конечно, оратору достанет могущества). Несбыточные изречения глубоко ранят, иногда такие раны затягиваются тысячелетиями. Какая-нибудь небылица (а они существуют, поверь) полностью – и совершенно напрасно – опустошает божественный ресурс. Но если не размениваться на пустяки и тщательно подбирать слова, бог может сотворить все, что подвластно сотворению. Разве немой бог вправе называться богом?

Если язык мы переняли у людей – а судя по моему опыту, так и было, – откуда черпали силы Древние?

Затрудняюсь ответить. Могу лишь заверить, что в своем изложении событий не погрешил против истины.

Как я уже сказывал, Мават с детства отличался суровым нравом. Этим он пошел в отца и деда по отцовской линии. Когда растешь в окружении людей, чей нрав так же суров, воля так же крепка или даже крепче, чье влияние и власть – пока – недоступны тебе, ты либо научишься сдерживаться, либо навлечешь на себя гнев более могущественных противников, которые растопчут тебя, как букашку.

Поэтому, встретив отповедь, Мават не стал затевать спор, а молча направился по лестнице прочь из башни. Ты двинулся за ним, не задавая вопросов, не пытаясь догнать или поравняться. Держась на расстоянии трех-четырех футов, ты шел за Маватом через мощный двор. Уверен, от тебя не ускользнуло, как старательно слуги сторонились твоего спутника. Все были наслышаны о позорном бегстве Глашатая, повлекшем восхождение на скамью Гибала, и теперь опасались реакции Мавата. В иной день двор полнился людьми и звуками: сновали девушки с ведрами воды или молока, конюхи помогали спешиться гонцам, занятые разными поручениями слуги окликали друг друга, останавливались, чтобы перемолвиться словечком или посплетничать, смеялись, даже пели. Сейчас в тишине раздавалось только карканье воронов да приглушенный ропот челяди, умолкавшей, едва завидев Мавата.

Следуя за ним, ты очутился в тускло освещенном двухэтажном здании с белыми оштукатуренными стенами, что высилось напротив башни. Миновал взбудораженных слуг, пересек сенник, поднялся по лестнице – и уткнулся в тяжелую дубовую дверь, которую Мават захлопнул прямо у тебя перед носом.

Мгновение ты таращился на массивную створку, потом вздохнул, уселся на пол, скрестив ноги, и привалился спиной к косяку.

По прошествии времени ты смежил веки и, как мне почудилось, задремал. Из-за двери не доносилось ни звука. Разбудила тебя служанка; беззвучно ступая по темному коридору, она несла поднос с молоком, сыром, хлебом и колбасами.

– Эй, – окликнула она, – ты у него в лакеях?

Долговязая служанка сутулилась, словно никак не могла свыкнуться с чрезмерно высоким ростом, ее шерстяная юбка – поношенная, но без единого пятнышка – едва прикрывала икры.

Ты моргнул спросонья:

– Нет. То есть да. В некотором роде. – Ты выпрямился и запахнул плащ. – Яства для господина Мавата?

– Мне велено оставить поднос у двери. На случай, если твой господин выйдет. Хотя ждать придется долго. Повар говорит, несколько дней.

– На моей памяти он не предавался унынию более двух-трех часов, – нахмурился ты.

– Мне сказывали иначе. А ты из крестьян? – допытывалась девица. – Говор у тебя крестьянский.

– Я воин. Воин и... соратник господина Мавата.

Служанка, по всей видимости, отнеслась к этой информации скептически.

– Впрочем, мое дело малое – оставить поднос. Вдруг выйдет. – Наклонившись, она поставила кушанья у порога. – А коли не выйдет через час-другой, выпей молоко, иначе прокиснет. В толк не возьму, с чего повар расщедрился. Свежего молока у нас днем с огнем не сыщешь, зачем впустую добро переводить...

– Он любит молоко, – перебил ты. – Особенно с кислинкой.
Ворчунья закатила глаза и, недоверчиво фыркнув, удалилась.

Сказывали мне: спустя годы неусыпных молитв и приношений, осторожных и робких просьб бог Безмолвного леса пообещал Обители Безмолвных защищать Ираден от хворей и вторжений. Тем не менее обитатели Ирадена на собственной шкуре извели ветреный нрав богов, а посему взяли за правило регулярно объезжать границы своей территории – особенно южные леса, откуда соседи-вербы повадились совершать набеги на хутора и селения ираденцев. Все тринадцать волостей, чьи представители заседали в Распорядительном совете, посылали в пограничные отряды добровольцев.

Много лет все было благополучно; если и случался налет, добровольческие патрули справлялись своими силами, не прибегая к божественному заступничеству. Однако со временем вербы увеличили натиск. Их войска разрастались, тактика становилась изощреннее, а попытки пробить оборону – методичнее.

Тогда совет, заручившись одобрением Глашатая, распорядился возвести лагерь вдоль южной границы. Вернее, снабдил солдат всем необходимым для сооружения земляных валов вокруг более-менее устоявшихся лагерей. Хотя лес и Ворон защитили бы страну от серьезных нападений, не секрет, что боги охотнее помогают тому, кто сам не плошает. Даже Ворон согласился, что укрепление границ пойдет на пользу.

Так обстояли дела, когда Мават принял на себя командование пограничным отрядом – не самым, надо отметить, дисциплинированным, весьма своенравным. Составляли его господские сыновья, не признававшие над собой никакой власти, крестьяне да земледельцы, в период жатвы и семейных неурядиц разбегавшиеся по домам.

Я слышал, будто Ксулах содержит постоянную армию, где завербованные солдаты присягают на верность командирам, каждый из которых имеет свое звание и официальный статус, назначенный городскими властями. В теории всякий воин может дослужиться до высших чинов, а младшие по званию обязаны подчиняться его приказам вне зависимости от происхождения – так крестьянский сын получает возможность командовать отпрысками знати. В теории. На практике же редкому крестьянину удастся достичь таких высот. Тем не менее система оказалась действенной. Думаю, теперь понятно, за счет чего Ксулах неустанно расширяет свои владения.

Иная ситуация складывалась в Ирадене. Хотя командующего пограничными войсками назначал совет и лично Глашатай, их поддержки было недостаточно. Командиру следовало обладать высоким статусом, который бы не ущемлял самолюбие влиятельных особ, либо завоевывать уважение подчиненных иным способом. Такое, как тебе известно, случалось весьма нечасто, по крайней мере, когда дело касалось всех солдат на границе.

Мават возглавил войска, заручившись поддержкой полудюжины вельмож, чьи отцы заседали в совете. Лучшей кандидатуры и вообразить нельзя. Впрочем, даже его не всегда слушались безропотно.

За полтора года до вашего приезда в Вастаи гонец принес срочные вести в лагерь, охранявший дорогу к лесу. Посланник желал говорить только с Маватом, и Мават принял его в личных покоях. Выслушав сообщение, он кликнул своего соратника – тебя, а также трех господских сыновей.

– Вербы, – вполголоса известил он, плотно притворив дверь, – стягивают войска по ту сторону гор.

Речь шла о гряде, раскинувшейся сразу за пределами защищаемых богами земель.

– Какая дивная новость! – обрадовался Айру, сын распорядителя. – Соберем их в одном месте и раздавим, как букашек. Сейчас подниму отряд.

С этими словами он направился к выходу.

– Не все так просто, – бросил ему в спину Мават. – Они заключили соглашение с богом по прозванию Охотница.

Кто-то из присутствующих фыркнул.

– Охотница не заключает соглашений. По крайней мере, толковых.

– Охотница не любит связывать себя обязательствами, особенно долгосрочными, – подтвердил Мават. – В довершение богиня по натуре ветрена. Однако вербы подобрали к ней ключик. Ну или думают, будто подобрали.

Воцарилось молчание. Ты караулил у двери на случай неурочного вторжения.

– Они выискали добровольца, готового принести себя в жертву, – пояснил Мават.

Боги вербов в большинстве своем – мелкие сошки, покровительствующие выборочным семьям и местам. Никто из них в подметки не годится Безмолвному богу – за исключением речки-другой, но они никогда бы не прельстились Ирадемом, а уж тем паче Вастаи и богатствами, поставляемыми через пролив. Иначе говоря, ратные божки вербов не шли ни в какое сравнение с богами Ирадена, что не мешало им устраивать набеги на ираденские границы. Правда, они давно не действовали сообща, а поодиночке не представляли собою угрозы.

Но вот в чем соль – даже самый ничтожный бог обретал могущество через подношение. А всякий ираденец знает, что нет подношения лучше человеческой жертвы. В идеале – если жертва добровольная и приносится самостоятельно, как в случае с Глашатаем Ворона.

– Чепуха, – отмахнулся четвертый участник дискуссии. – Ни за какие блага Охотница не примет на себя обязательств, обманет.

– Вербы придумали, как добиться от нее желаемого, – сообщил Мават. – Совершив жертвоприношение, они объявят свою просьбу, которую Охотница пообещает выполнить по мере сил.

– Нападем на них прямо перед обрядом, – не унимался Айру, его голос звучал вызывающе. – Не понимаю, чего мы ждем? Только зря тратим время!

Мават словно не замечал накалившейся атмосферы.

– Время играет в их замысле ключевую роль, – спокойно отозвался он. – Если поторопятся хотя бы на секунду, Охотница наверняка присвоит дар себе, а обещание исполнит спустя рукава, прикрывшись скудными возможностями. Из чего следует, что обряд еще не совершен. Вербы должны привезти добровольца на место, чтобы сразу пойти в наступление.

– И что с того? – недоумевал Айру.

– Если нападем сейчас, – откликнулся военачальник из смышленных, – они убьют жертвенного агнца и обратят полученную силу против нас.

Айру снова фыркнул:

– Подумаешь! Охотнице никогда не совладать с Вороном, а уж тем паче с Безмолвным. Повторяю: чего мы тянем, когда есть шанс накрыть всю шатию разом? Надо воспользоваться преимуществом и застать их врасплох.

– Начнем суетиться, и не видать нам преимущества как своих ушей, – огрызнулся Мават. – Сведения поступили от наших лазутчиков в стане вербов. Думаешь, они не заслали к нам шпионов? Даже если сумеем нагрянуть внезапно, где гарантия, что они не расправятся с жертвой, едва мы окажемся в поле зрения? Ирадену это не навредит – слишком крепкий орешек, – а вот наших солдат покосит изрядно. Я поручусь за безопасность Ирадена, он может спать спокойно – многие же из нас уснут навеки. Благоразумнее обойтись минимальными потерями.

– Я не боюсь смерти! – настаивал Айру. – И мои люди тоже, хотя нам не покровительствует Ворон. Мы, в отличие от тебя, не трусы!

В комнате повисло гробовое молчание.

– Мой меч, – спокойно, почти буднично попросил Мават.

Ты вышел и вскоре воротился, неся убранный в ножны меч с золотой рукоятью.

– Мы здесь затем, чтобы биться с вербами, а не друг с другом, – попытался вразумить товарищей один из военачальников.

– Полностью согласен, – презрительно откликнулся Айру. – Я тебя не боюсь, Мават.

– Едва ли мы сможем одолеть вербов, если половина, а то и более наших людей погибнут в безрассудной атаке, которую так легко обратить нам на пользу, – все тем же невозмутимым тоном пояснил Мават. – Айру и все вы, срочно созывайте войска, только без лишнего шума. Как получите сигнал, что жертва Охотницы схвачена или, на худой конец, обряд не удался, немедленно начинайте штурм.

– Как ты намереваешься осуществить свой план? – любопытствовал кто-то из знатных отпрысков. – Ведь для этого нужно проникнуть во вражеский лагерь. Да и с жертвы наверняка не спускают глаз. У меня бы он сидел в самой гуще вооруженных до зубов солдат.

– Если верить моему источнику, все обстоит именно так. Необходимо, минуя охрану, подобраться к жертве и пленить ее, но так, чтобы она не наложила на себя руки. – Мават покосился на Айру. – Масштаб, естественно, не твой, но и трусу с этим не сладить.

Айру нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Кому ты думаешь поручить задание? – затаив дыхание, спросил господский сын.

– Не тревожься, – успокоил его Мават. – Поеду сам.

В предрассветных сумерках вы с Маватом тихонько брели по лагерю вербов. Лазутчик, добывший ценные сведения, снабдил вас паролями, позволившими беспрепятственно проникнуть на вражескую территорию. В остальном, мне думается, Мават полагался на заступничество Ворона. Хотя он ни секунды не сомневался в своем покровителе, полагаться на него всецело не привык. Тебя Мават взял в помощники – сражаться, когда пробьет час, и вести переговоры, если понадобится. Сам он довольно сносно владел вербским, однако акцент сразу выдавал в нем иноземца. Твой южный говор вызывал куда меньше подозрений.

В качестве божественного подспорья Мават захватил с собой бесценный, сотворенный самим Вороном бронзовый диск для передачи простейших сообщений. Стоило обладателю артефакта произнести заветные слова, как загоралась лампада. Лампаду Мават передал Айру, наказав действовать только по сигналу, не раньше.

Благодаря темноте, краденым паролем, покровительству Ворона, твоим знаниям вербского и низко надвинутым на лица капюшонам вы добрались до окруженного палатками просторного шатра, куда поместили будущего агнца. Единственный часовой дремал у входа.

– Я полагал, сюда без боя не прорваться, – шепнул Мават. – Потрясающая беспечность. Интересно с чего?

Он немного поразмыслил и заключил:

– С того, что жертва добровольная, а вокруг вооруженная армия. И все ж часовому надо снять голову за то, что спит на посту.

Выждав еще мгновение, Мават шагнул к палатке и тенью скользнул внутрь. Ты – следом. Охранник даже не шелохнулся.

Убранство шатра поражало скромной роскошью. Пол устилали чистые, плотного плетения травяные циновки, в расставленных по периметру сверкающих бронзовых шандалах горели лампы. На соломенном тюфяке подле железной печурки, завернувшись в одеяла, спал

агнец – совсем мальчишка, чья худоба ассоциировалась не столько с неуклюжей долговязостью, свойственной многим юнцам, сколько с недоеданием. Очевидно, его смерть сулила родным многие милости от вербских вельмож либо от Охотницы (что маловероятно).

Впрочем, последние дни юноша доживал в достатке: тюфяк, на котором он возлежал, был пышным и мягким, одеяла – из тончайшей шерсти; у постели, на низком столике чеканного золота, лампада озаряла пузатый кувшин с золотым кубком.

– Вино из Ксулаха, – шепнул Мават. – Только ли оно прибыло сюда через горы?

Он тряхнул головой – надо не вопросами задаваться, а обездвижить агнца, пока вас не поймали с поличным. Мават подал тебе знак, и вы крадучись двинулись к ничего не подозревающему юнцу.

Снаружи, на подступах к лагерю, раздался крик.

– Айру! Мерзавец! – выругался Мават и, навалившись на мальчишку, одной рукой зажал ему рот, а второй стиснул запястье.

Ты опустился на колени в изголовье у жертвы и, пока юноша извивался под тобой, силясь позвать на помощь, связал ему запястья.

Пространство вокруг шатра огласилось криками; внезапно кто-то отдернул полог, и на пороге возник воин с обнаженным мечом, за ним маячил совсем не сонный, а вполне бодрый часовой.

При виде вас вошедший – настоящий великан, многим выше Мавата, – застыл как вкопанный. Часовой запнулся, вытаращил глаза и потянулся к ножнам.

– Не упусти его! – скомандовал Мават и тоже выхватил меч.

Едва от губ юнца отняли ладонь, тот пронзительно взвизгнул и попытался высвободиться, но ты держал его мертвой хваткой. Снаружи вопили и, судя по топоту, мчались по направлению, откуда прибыли вы с Маватом. Откуда Айру атаковал лагерь. Издалека – дальше, чем тебе, вероятно, хотелось бы, – доносился звон мечей. Мават с великаном замерли друг напротив друга – безмолвные и сосредоточенные. Часовой двинулся к тебе.

Воспользовавшись твоей заминкой, пленник вырвался и на четвереньках засеменил прочь. Ты настиг его в мгновение ока и повалил наземь. Часовой споткнулся о кучу-малу и, потеряв равновесие, опрокинул столик – кувшин, кубок, лампада полетели вниз, масло выплеснулось на циновку.

Мальчишка снова высвободился, вскочил и бросился к великану, вступившему в схватку с Маватом. Ты устремился было следом, но путь тебе преградил часовой.

Он превосходил тебя размахом плеч, но ты оказался проворнее и, скользнув под занесенный меч, вонзил кинжал сопернику под мышку, в зазор между пластинами доспеха. Вызволив нож, ты отлетел в сторону, отброшенный могучей рукой, – и исчез в клубах дыма от пылающей циновки. Часовой рухнул ниц, закашлялся и принялся жадно хватать ртом воздух.

Великан и Мават скрестили мечи. Мальчик вклинился посередине. Довольно крикнув, великан попытался достать жертву – Мават блокировал удар, однако рукоять выскользнула у него из пальцев.

Захлебываясь кашлем, ты обнажил меч и ринулся в атаку; Мават меж тем выволок пленника из задымленной палатки. Великан опрокинул тебя навзничь и пустился в погоню за беглецами.

Очутившись за порогом, мальчишка попытался высвободиться и вернуться в палатку, но куда ему против мертвой хватки Мавата! Великан разинул рот, чтобы кликнуть подмогу, но из горла вырвался только надсадный хрип.

– Айру, мерзавец! – сипло завопил Мават.

Как по волшебству появились с полдесятка всадников и окружили Мавата с добычей.

– Надо было слушать меня и сразу атаковать, – бросил из седла Айру, пока его напарник разделялся с великаном.

Обнаженные руки Айру, его меч были залиты кровью, а сам он свирепо скалился.

Мават передал мальчишку третьему седоку, наказав связать его покрепче и беречь как зеницу ока. Потом развернулся, по всей видимости намереваясь войти в пылающий шатер, но тут ты, пошатываясь, выбрался наружу. Мават жестом велел ближайшему всаднику закинуть тебя в седло, сам запрыгнул на другую лошадь, и вы помчались прочь.

Примерно на полпути мальчишка, несмотря на все предосторожности, раздобыл откуда-то старую бронзовую пряжку – зазубренную, покореженную и острую как бритва. Пока наездники хватились, было уже слишком поздно. Жертва истекла кровью – к вящему удовольствию Охотницы, которая, будь ее воля, снабдила бы юнца всем необходимым, чтобы исполнить предназначение, – но безо всякого проку для вербов.

– Его поступок достоин уважения, – заметил Мават. – Доберись он до нашего лагеря целым и невредимым, я бы сгноил его в канаве. Тот, кто нарушил принесенную богу клятву, иной доли не заслуживает. Теперь же мы похороним его как подобает и непременно известим о том вербов. Пусть сообщает семье, что их отпрыск умер с честью.

Никто не возражал. Очевидно, все склонялись к той же мысли.

Едва отряд укрылся за валом, опоясывающим лагерь, Мават спрыгнул наземь и ударил спешившегося Айру по лицу.

– Доставай меч и готовься к смерти, – холодно произнес Мават, обнажив клинок.

– Но ведь я был прав! – возмутился Айру, взявшись за рукоять.

– Завидев ваше приближение, вербы послали человека ускорить обряд, – отозвался Мават, не повышая голос и не опуская меч. – Преуспей он, и вам противостоял бы куда более могущественный соперник. А он почти преуспел. Потерпи вы буквально пару минут, как я и наказывал, мы бы управились быстрее и безо всякого шума.

– Тебе ничего не грозило, – гнул свое Айру. – Тебя всегда оберегает Ворон.

– Он оберегает меня и сейчас.

Один из господских сыновей тронул Айру за плечо и что-то горячо зашептал ему на ухо.

– Мой повелитель, – все еще сиплым от дыма голосом окликнул ты, поравнявшись с Маватом, – убив Айру, ты лишишься поддержки северо-западных земель. Повезет, если их воины мирно разъедутся по домам, не пожелав отомстить.

– Везение тут ни при чем, – холодно парировал Мават.

– Мой повелитель, наместник Ворона, – с усилием проговорил Айру (товарищ по-прежнему стискивал его предплечье), – я допустил ошибку. Приношу... – Он запнулся и довершил сквозь зубы: – Приношу свои извинения.

– Извинения не помогут, если ты не подчиняешься приказам.

– Мне почудилось, ты подал сигнал, – соврал Айру, не разжимая челюстей. – Впредь буду внимательнее.

Ты хотел что-то добавить, но передумал. Вскоре Мават опустил меч:

– Убирайся с глаз моих!

Случилось это полтора года назад. Сейчас ты в крепости Вастаи, сидишь под дверью Мавата. К вечеру он так и не объявился, молоко, как и опасалась служанка, скисло. Но ты все равно его выпил, поразмыслив, съел хлеб с одной из колбас и снова привалился к створке.

С лестницы донесся шелест шелкового платья. Оторвавшись от созерцания колбасы, ты увидел перед собой Зизуми – высокую, статную, в сумерках ее синие одежды казались черными. От внимания Безмолвной не укрылась пустая миска из-под молока на подносе.

– Так он не весь день просидел взаперти? Ты убедил его подкрепиться?

– Нет, матушка.

Ты неуклюже поднялся и тайком вытер жирную руку о штаны.

– Выходит, ты не отлучался отсюда ни на минуту? Ты ведь его соратник? Прислушивается ли он к тебе, когда хандрит? Да и вообще, следует ли советам?

– Увы, нет.

Зизуми вздохнула, и ты поспешил добавить:

– Такого за ним отродясь не водилось. Час-другой, и хандра отступала.

– В самом деле? – искренне удивилась Зизуми. – Значит, тебе известен его нрав. Неужто не боишься попасть под горячую руку?

Настал твой черед дивиться:

– Нет, матушка.

Зизуми смерила тебя оценивающим взглядом:

– Ты очень привлекательный юноша, несмотря на крестьянский говор.

До тебя не сразу дошел потаенный смысл ее слов.

– Боюсь, в этом плане я совершенно не интересую господина Мавата.

Зизуми даже не пыталась скрыть разочарования:

– Проклятье! Я надеялась, хоть тебе удастся его уговорить. – У нее снова вырвался тяжелый вздох. – Ситуация не из приятных. Естественно, Мават зол, я предупреждала Глашатая, что это неизбежно. Такую пилюлю не подсластить. Хотя для Мавата ничего не изменилось, он по-прежнему наместник.

– Если только Глашатай не изберет на его место другого.

Мне показалось, ты на секунду замешкался, прежде чем произнести «Глашатай», словно сомневался, является ли Гибал таковым.

– Маловероятно, – отрезала Зизуми. – Где тебя поселил Мават?

– Покуда нигде.

– Само собой, – уже в который раз вздохнула Зизуми. – Но не спать же тебе у порога, как собаке. Ступай к Гизет и скажи: Зизуми велела устроить меня на ночлег – не в коридоре, разумеется, а где-нибудь поблизости, в самой крепости свободного угла не найти. У нее комнатка позади трактира. Не застанешь Гизет там, посмотри по кладовым. Заодно пускай снабдит тебя брелоками для кухни, по ним будешь получать завтрак и ужин.

– Хорошо, матушка Зизуми. Спасибо.

– Коли захочешь, возвращайся утром. В ближайшие дни Мават не появится и не откроет дверь, не удостоверившись, что в коридоре пусто. – Заметив твое недоумение, женщина нахмурилась. – Удивлен?

– Матушка Зизуми, на моем опыте он успокаивался через пару-тройку часов. А по тревоге и того быстрее. За это время хандру как рукой снимало. Ну, почти.

– По тревоге? – Зизуми не сразу сообразила, о чем речь. – А, ясно. Трудно защищать границу, сутками просиживая взаперти. Очевидно, он малость научился обуздывать свой нрав, что весьма отраднo. Но в этих стенах не зазвучит сигнал тревоги, да и слишком чудовищен был удар. Его отец... Немыслимо. Никогда бы не поверила, что Глашатай способен...

Женщина осеклась, не в силах закончить фразу. Она покачала головой:

– И бросить нас в беде. Немудрено, что Мават рвет и мечет, но мы не могли поступить иначе. Пришлось спешно утвердить нового Глашатая. – Зизуми испытующе глянула на тебя. – Не вздумай заговаривать с ним об этом, когда выйдет. Себе только хуже сделаешь. Сама управлюсь. Я ведь знаю его с младенчества. Рано или поздно он прислушается к моим словам.

– Да, матушка, – покорно отозвался ты.

Гизет ты застал в деревянной лачуге, лепившейся с торца длинного, под высокой крышей трактира. Жилище более походило на кладовую: повсюду громоздились восковые дощечки в деревянной оправе и вытесанные из древесных стволов сундуки, обитые железом. Гизет была лишь немногим моложе Зизуми, седые волосы она заплетала в толстую косу и закалывала на макушке. Под фартуком грубого сукна, надетым поверх унылых болотных юбок, гремели ключи и стилусы. Гизет с порога объявила, мол, класть тебя негде, если только на тюфяке в трактире, но, услышав распоряжение Зизуми, ворчливо протянула тебе жетон для постоянного двора за воротами крепости. Потом, поколебавшись, выудила из сундука еще два прямоугольничка полированного дерева с медной инкрустацией; через отверстия по краям был пропущен шнурок, позволявший носить брелоки вокруг запястья или на шее.

– Первый для допуска в крепость, второй на пропитание. Всего две трапезы, две! – хмурясь, предупредила Гизет. – А не по две в каждом доме. Хозяева отчитываются передо мной о расходах. Уяснил?

– Да, госпожа, – кротко произнес ты, по опыту зная, что спорить с такими особами себе дороже.

– Будь моя воля, ты перебился бы и одним, но раз матушка Зизуми велела, я не стану перечить. Но коли приспичит, покажу ей сальдо.

Гизет протянула тебе брелоки.

– Да, госпожа, – повторил ты, принимая подношение.

В комнату вихрем ворвалась леди Тиказ и, не обращая на тебя ни малейшего внимания, ловко обогнула стопку дощечек, о которую ты чуть не споткнулся на входе.

– Тетушка, если завтра подадут угрей, побереги немного для отца. Иначе вмиг расхватают.

С появлением Тиказ тебе надлежало смотреть под ноги или деликатно отвести взор в сторону, а не таращиться на нее во все глаза. Впрочем, она не осталась в долгу и смерила тебя оценивающим взглядом. От нее не укрылись ни болтающиеся в твоей руке кожаные шнурки, ни домотканое платье, ни единственный золотой браслет на предплечье, ни позолоченная рукоять кинжала.

– А ты кто такой?

Ты запоздало потупился:

– Эоло, леди. Прибыл вместе с господином Маватом.

– Зачем?

– Он соратник господина Мавата, – встряла Гизет, пока ты мешкал с ответом. – И слуга, да, видать, не из простых. Хозяину еды поднести или кому еще подсобить – переломится.

– Значит, ты его любовник? – фыркнула Тиказ.

Повисло неловкое молчание. Ты вздернул подбородок и, глядя на Тиказ в упор, выпалил:

– Завидуете?

– Кому? – снова фыркнула леди.

– Да хоть кому. Без разницы.

– Я сто раз отвергала Мавата и отвергну в сто первый, коли придется. А что касается тебя...

По какой-то причине тебе не хотелось, чтобы она закончила реплику.

– Матушка Зизуми повелела забрать это. – Ты воздел ладонь с жетоном и брелоками. – Я трое суток провел в дороге и очутился в чужом краю, где не знаю ни одной живой души, кроме своего господина, который нынче не в духе. Сожалею, если мое присутствие вас коробит, но оскорблений я не потерплю.

– Вот нахал! – воскликнула Гизет. – Крестьянин, а как дерзит!

– Простите, госпожа, иными речами не владею, – повинился ты. – И не я затеял свару.

– Каюсь, сэр, – помедлив, объявила Тиказ. – Сказала сгоряча. Не только Мават сейчас не в духе.

– Конечно, леди, – согласился ты. – Забудем это недоразумение.

Тиказ развернулась и в облаке алых и зеленых шелков скрылась за дверью.

– Следи за языком, юноша, – хмуро предупредила Гизет. – Особенно при леди Тиказ.

– Я с леди не ссорился, – возразил ты, как мне почудилось, старательно сдерживая гнев. – И не задел бы ее достоинство, не начни она первой.

– Я не за ее достоинство хлопочу, – еще пуще нахмурилась Гизет. – «Завидуете»! У меня чуть глаза на лоб не полезли! С леди Тиказ лучше не связываться. Ее отец возглавляет Распорядительный совет и вхож к Глашатаю. Если не поостережешься, накличешь на себя немало бед. И выгораживать тебя перед матушкой Зизуми я не стану, не надейся!

– К господину Мавату наведуясь завтра, – сменил ты тему. – Если ему до тех пор надоест сидеть взаперти, дайте знать.

– Дадим непременно, – заверила Гизет, не переставая хмуриться. – Он хоть немного перекусил?

– Когда я уходил, поднос оставался нетронут.

– О-хо-хо, – вырвалось у женщины. – Немудрено, что он зол. Кто бы мог подумать. Такое горе.

– Еще какое, – поддакнул ты. – Никто и вообразить не мог. Он ведь восседал на скамье всю мою жизнь.

По всему было ясно, что под «ним» ты подразумевал не Гибала.

– Похоже, мой господин не очень-то поверил, – после секундной заминки добавил ты.

Гизет резко постарела, когда ее черты исказил страх.

– Никто не верит.

Тут, вероятно, тебя осенило, кто послал миску свежего молока Мавату. В городах молоко идет на масло, сыр либо на густую простоквашу. В первозданном виде его днем с огнем не сыщешь. Нетрудно было угадать, что многочисленные таблички содержали строгий учет провианта, а заведовала всем Гизет: она точно знала, какими продуктами располагает и кого ими следует накормить. И все равно не побоялась выделить деликатес, заведомо обреченный скиснуть. Для человека ее положения поступок весьма смелый.

– А вы, госпожа, сами верите? Может, имелись какие предпосылки? Не припоминаете?

– Не твоя печаль, – сощурилась Гизет. – У меня хлопот полон рот, если не хлопочу, вся крепость останется голодной. А ты... Ты займись своим делом.

– Да, госпожа.

Она с сомнением покосилась на тебя:

– Да не забудь, две трапезы. Две!

– Не забуду, госпожа, – уверил ты и, коротко поклонившись, вышел.

Дом, куда тебя определила Гизет, – длинная двухэтажная постройка из камня, дерева и алебаstra под соломенной крышей – стоял на площади подле ворот крепости. Половину первого этажа занимала единственная комната, где на ночь столы со скамьями сдвигали к стене, а пол устилали тюфяками, на которых, завернувшись в плащи и одеяла, дремали – или же пытались задремать – люди.

Комната вмещала тринадцать человек, однако при виде твоего жетона деловитая манера хозяйки самую малость переменялась, и тебя сопроводили в отдельную комнатку, чистенькую и пустую, чью скудную меблировку составляла узкая кровать, а крохотное оконце выходило на желтоватую стену крепости. Раздосадованный зрелищем, ты опустился на постель и, сомкнув веки, горестно вздохнул. Потом стянул сапоги, ослабил повязки и, укутавшись в плащ, вытянулся на ложе – но, бьюсь об заклад, еще долго провалялся без сна.

Язык, коему меня обучили жрецы охотничьего племени, вышел из употребления тысячелетия назад, хотя его отдаленный потомок еще в ходу у народов, что обитают далеко-далеко на востоке, за морем. Едва жрица удостоверилась, что я внемлю ей и относительно разумею, начались подношения: парное оленьё молоко, кровь, мясо, цветы, желтовато-розовые кислые ягодки. Дары сопровождались просьбами. Их я, конечно, принимал, и с каждым принятым даром могущество мое росло, а вот просьбы вызывали недоумение. Впрочем, только на первых порах. Всякий раз, стоило прошению сбыться – стараниями ли самого просителя или же волею судьбы, – как меня в благодарность осыпали все новыми милостями. И всякий раз жрица славилась силу моего слова. Постепенно мне удалось уловить связь, а уловив, постигнуть дар речи, чтобы речами снискать пушью благодарность племени, каковая выражалась бы нескончаемыми подношениями.

Да, они дрессировали меня, точно пса, – заботой, лакомствами и похвалами. Однако я тоже не оставался в долгу. Охотники быстро уяснили, что хоть я не брезгую ни кровью, ни молоком, ни простою водицей, но предпочитаю все же рыбу из близлежащей реки или раковины из далекого нынче моря. Речь давалась мне нелегко, поэтому спустя десятилетия мы изобрели свою систему обозначений: деревянные фигурки рыбок с вкрапленными раковинами, украшенные различной символикой. Желая обратиться ко мне излагал просьбу и совал руку в мешок с фигурками. Мне не составляло особого труда подsunуть страждущему «правильную» фишку, а иногда и не одну; их раскладывали на земле и трактовали мою волю.

Хоть я и благоволил к людям, меня все чаще посещали мысли о богах, коим они поклонялись и о коих толковали. Могу ли я двигаться? Могу ли, подобно людям, странствовать по свету и воочию наблюдать то, о чем слыхивал от других? Если молва не врет, другие боги кочуют с места на место, а иногда преодолевают громадные расстояния. Почему же до сих пор они не удостоили меня визитом?

Впрочем, кое-кто все-таки удостоил. Однако заметил я ее лишь спустя многие годы.

За сотни лет до знакомства со мной охотничье племя наткнулось на красноватую, в диковинных рывтинах глыбу – очень тяжелую, несмотря на обманчиво скромные габариты. Такие

породы в здешних краях не водятся, рассудили охотники – и ошиблись (еще несколько красноватых обломков таилось в округе глубоко под землей), хотя доля истины в их рассуждениях тоже присутствовала: все обломки некогда составляли единый монолит. Так или иначе, глыба и впрямь была уникальной, и племя почитало ее как богиню.

Я воочию наблюдал, как она рассекла небо и от столкновения с нею содрогнулась твердь. На месте падения образовался глубокий кратер, многим глубже необъятной ледяной корки. Прежде чем рухнуть на землю, богиня скиталась по белу свету, видела всякие чудеса. С огромной высоты взирала она на просторы и моря земного шара, похожего на гигантскую чернику, где зелень чередовалась с бурыми участками и синевой. Планета неустанно вращалась вокруг Солнца – круглого исполина, который видится нам многим меньше из-за расстояния. Богиня созерцала и другие миры, тоже циркулирующие вокруг Солнца по своим проторенным дорожкам. Она рассказывала, что сияющие звезды, чьей незыблемой траекторией я любовался, суть отдельные миры и солнца, но из-за большого удаления нам они представляются крохотными огоньками. По крайней мере, так она полагала, весьма опрометчиво – можешь вообразить, каким могуществом надо обладать, чтобы воплотить такие домыслы в реальность? Впрочем, едва ли она погрешила против истины, раз ни ее, ни меня не постигло возмездие за дерзновенные речи.

Язык богиня освоила довольно быстро, и немудрено, что ей, в отличие от меня, нравилось путешествовать – с охотничьим ли племенем или самой по себе. Она рано научилась тому, о чем я даже не помышлял и к чему не питал ни малейшего пристрастия, – заимствовать или создавать тело для странствий, изъяснений и прочих целей. Наконец, именно она направила охотников к моему склону. В Ирадене ее именем проклинают, в охотничьем же племени, величавшем себя «человеками», перед ним благоговели. Имя ей было Мириада. И милостью Мириады людям почти удалось избавить свои земли от нашествия комаров, чьи полчища являлись на закате.

Я ни о чем таком не ведал, пока не познакомился с Мириадой. Точнее, пока не осознал факт нашего знакомства. Комары виделись мне неотъемлемой частью мироздания. Естественно, они не докучали существам вроде меня – бескровным, неуязвимым к укусам. А посему в первую встречу в глаза мне бросилась лишь темная, темнее обыкновенного, туча москитов.

Мириада много странствовала по свету и знала массу увлекательных историй – своих и чужих. По крайней мере, мне они грезились увлекательными. Ее, в свою очередь, увлекали мои рассказы о рыбах с костяными головами и трилобитах; о том, как суша медленно вытесняла воду; об амфибиях и рептилиях, неотличимых от птиц; о ледниках, сковывавших землю.

Раз в год или в несколько лет Мириада навевалась ко мне вместе с охотниками, и мы беседовали недели напролет, а когда племя снималось, она отправлялась следом. Мне хватало. Я привык к одиночеству. Сказать по правде, упивался им. Но Мириада на своем пути встречала не только людей, но и множество богов. Она исколесила вдоль и поперек северные земли, а на юге и вовсе добиралась до Горбатого моря.

Сказывали мне однажды: на северном берегу Горбатого моря раскинулось поселение небывалой ширины. Поселение росло, пока не превратилось в городок, заповнивший часть огромной природной гавани, укрытой двумя мысами. Город очень удачно расположился в одном из немногочисленных судоходных проливов между Горбатым морем и открытым океаном. Там проплывали и причаливали суда. Не утлые, обтянутые кожей суденышки, бороздившие речку в моей долине, а крупногабаритные суда, пригодные для перевозки десятков человек, древесины, больших партий шкур, мехов и прочих грузов, что в избытке водятся в одних краях и высоко ценятся в других.

Подношений городские боги получали столько, что мне и не снилось. Кое-кто всецело посвятил себя слегка нелепым, на наш с Мириадой вкус, ремеслам – так, некий бог только и

делал, что дробил камни; долгие годы он измышлял, как ловчее сокрушить кремень и обсидиан, чтобы извлечь из них максимальную пользу. Просьбы, коими досаждали камнетесу, касались того, как изготовить, сторговать или применить его детища.

Время от времени я оказывал схожие услуги охотникам, но, если бы ограничивался сугубо ими, лишился бы солидной части жертвований. Городской бог, напротив, довольствовался единственной нишей, на ней он креп и обрастал могуществом. Прибрежный град населяли толпы, и практически всем требовался нож или иной острый предмет.

Другая богиня десятилетиями вынашивала планы по возведению стен, дабы расширить и удлинить городскую гавань, а вдоль ее выстроить каменные пристани, хранилища, склады. Замысел обошелся бы городу и его создательнице недешево, зато результат гарантировал безопасность и простор для большего числа крупных судов. Благосостояние города (и самой богини) всецело зиждилось на судоходстве, а скудных ресурсов близлежащих земель не хватало, чтобы прокормить всех страждущих. Тогда богиня поделилась своей идеей с населением и небожителями. Воплощение замысла грозило затянуться на долгие годы – годы обрядов и подношений для непосредственных участников действия, чья сила оставляла желать лучшего. Потом богиня-архитектор оттеснит воды и будет сдерживать их, а инженеры тем временем начнут укладывать исполинские каменные плиты, строить дамбы, вколачивать опоры для возведения исполинских причалов.

Каким могуществом надо обладать, чтобы сдвинуть линию прибоя, пусть и на короткий срок!.. А ведь еще нужно уберечь от обрушения дамбы и сваи, ворочать плиты...

– Для того и существуют инженеры, – втолковывала мне Мириада. – Богиня наверняка немало размышляла о добыче и транспортировке камня. А у строителей для перевозок имеются специальные устройства, ей достаточно только подсобить. Но даже при таком раскладе могуществом она должна обладать невероятным. Чтобы скопить его, понадобятся десятилетия или того больше.

На ум сразу пришли боги, виденные мною давным-давно, задолго до знакомства с Мириадой. И задолго до появления людей.

– То наверняка были Древние, – уведомила Мириада, присовокупив, что боги побережья трепещут перед теми немногими из них, кто здравствует и поныне.

А еще страшатся возвращения тех, кто сгинул. Ей доводилось слышать о стране далеко-далеко на юге, за Горбатым морем, где бились полчища Древних. Один, умирая, сотворил заклятие, и теперь, спустя десятки тысяч, а может, миллионы лет, проклятые кости его врагов покоятся в земле. Всякий, кто потревожит их, еще до заката умрет в страшных мучениях.

В теории такое вполне возможно; как возможно делать подобные заявления о неодушевленном предмете, будь то божественные останки или что-то иное, тем самым превращая предмет из неодушевленного в богоизреченный. А изрекать бог должен только факты. Если же изреченный факт еще не свершился, бог своей властью должен изменить мир – или хотя бы попытаться.

Безусловно, есть множество способов изменить мир так, чтобы всякий, коснувшийся определенного предмета, умер еще до заката. Пожалуй, самый очевидный из них – поменять само устройство вселенной. Однако при всей внешней простоте изменения такого масштаба неподвластны никому из известных мне богов; кроме того, малейшие метаморфозы даже в пустяках чреваты последствиями. Страшно вообразить, во что выльются столь глобальные реформы...

Впрочем, по моему опыту, бог отвечает за слова, лишь когда соблюдены все условия изречения. Со смертью же говорившего все сказанное им теряет актуальность. А насколько мне известно, боги, участвовавшие в той битве, почил много тысячелетий назад.

Хотя, если верить Мириаде, ей об этом поведал кто-то из богов, и поведал весьма недвусмысленно: бог, сотворивший заклинание, мертв, однако его проклятие действует. Полагаю,

так оно и есть; ни один бог не рискнул бы безнаказанно утверждать подобное, не имея в своем арсенале поистине безграничного могущества. Некоторые деяния неподвластны всемогущим богам, например выдавать за свершившееся то, что не свершилось. И наоборот.

– Твой источник говорил за себя или, как и ты, ссылался на «некоего бога»? – спросил я, поразмыслив пару лет.

Мириада издала дребезжащий плаксивый смешок:

– Соображаешь ты медленно, но верно. Да, он ссылался на некоего бога, но оснований сомневаться в его словах у меня нет. Если мы проследим цепочку до самого конца, непременно доберемся до первоисточника, который изначально поведал эту историю без ущерба для себя. В противном случае она бы не достигла наших ушей.

Я поразмыслил еще немного и задался вопросом: как могущественный Древний мог поведать хоть что-то, если язык – сугубо человеческое изобретение?

– Сие мне неведомо, – отвечала Мириада. – Но смею предположить, боги стародавних времен разительно отличались от нынешних.

Я и сам склоняюсь к такому мнению, однако утверждать не берусь.

Зато мне доподлинно известно, что прибрежный город, куда навевывалась Мириада и на чью гавань множество местных искусных богов строили грандиозные планы, ираденцы ныне величают градом Вускцией. Узреть его можно, взобравшись на Башню Ворона и посмотрев через пролив.

Наутро ты ополоснул руки и рот травяным отваром. Скривился – потому ли, что привык к иным травам, произрастающим на юге, а то и вовсе к простой воде? Вознес утреннюю молитву Ворону, защитнику Вастаи, кормилицу Ирадена. А после, устроившись за длинным столом, который успели отодвинуть от стены, приступил к завтраку: ячменной лепешке, ломтю сыра и скромной порции пива. Забившись в самый угол, ты наблюдал за входной дверью, за хозяйкой с дочерью, сновавшими взад-вперед, за жующими постояльцами.

Компания собралась разношерстная: двое вельмож из града Вускции, разодетые в яркие шелка, явно ночевали наверху, в отдельной опочивальне, а прислуживающий им лакей – в общей комнате; разнополая компания зажиточных (судя по изящным, но неброским одеждам) землевладельцев, прибывших в Вастаи по делам; мужчина в свободной рубаше и штанах из небесного полотна; изыскался он со странным акцентом, но вел себя вольготно. Прямо напротив, у очага, расположились знакомые тебе ксуланцы в коротких, по колено, туниках без рукавов и наброшенных на плечи плащах. Облокотившись о стол, иноземцы без умолку трещали на, без сомнения, непонятном тебе языке.

Немолодой муж, деливший трапезу с землевладельцами, вдруг поднялся и подошел к тебе. На нем был добротный шерстяной наряд богатого фермера, только с черной шелковой мантией, расшитой дубовыми листьями.

– Доброе утро, – приветствовал он. – Я Дэра, распорядитель Энды. Ты ведь Эоло, соратник Мавата?

– Да, господин. – Ты чинно отставил пиво. – Чем могу служить?

Дэра улыбнулся так, словно твое приветствие не было банальной данью вежливости. Словно ты искренне радовался встрече.

– Поговаривают, будто ты родом из Энды, а услышав твою речь, я склонен согласиться. Ты промолчал.

– Как распорядитель, я стараюсь содействовать землякам, ведущим дела в Вастаи. Вожу их по инстанциям. Помогаю с прошениями и ходатайствами. По необходимости. Я, часом, не знаком с твоей семьей?

– Но я не веду в Вастаи никаких дел, господин, – чуть ли не покаянно откликнулся ты, но за учтивым тоном чувствовалась настороженность, если не страх.

Улыбка Дэры стала еще шире.

– Ну разумеется.

Он уселся напротив тебя за столом, свернутую мантию положил себе на колени.

– Ты хлопчешь о делах Мавата, хотя в нынешнем состоянии он едва ли балует тебя поручениями. Ведь так? – Дэра взглянул на тебя в упор и, очевидно удовлетворившись увиденным, продолжил: – Любой бы на его месте впал в ярость. Такого Мават точно не ожидал.

Чего «такого», он не уточнял. И без того ясно.

– Господин распорядитель, я никак не возьму в толк, что здесь происходит.

– Бывал раньше в Вастаи? – сердечно осведомился Дэра (ты помотал головой). – И с отцом Мавата, в силу молодости, тоже не пересекался?

– Упаси меня чаша! – Левой рукой ты изобразил под столом короткий жест и констатировал: – Зато вы его знали.

– Знал.

Дэра издевательски ухмыльнулся, как будто его позабавило твое обращение к лесу. Как будто он разгадал тайный жест.

– Он и впрямь дезертировал? Разве такое возможно?

Дэра нахмурился, помолчал.

– Спроси ты меня неделю назад, я бы не колеблясь ответил «нет». Глашатай был... – Он на секунду замешкался. – Только между нами, ладно? Глашатай всегда отличался дурным нравом, а в последние годы повадился обрушивать его и на друзей, коих становилось все меньше и меньше. Он уже не руководил, а командовал советом, потакая собственным прихотям. Разумеется, мы не всегда подчинялись. Глашатай может править Ирадемом только с одобрения и согласия совета.

Последнюю реплику Дэра сопровождал небрежным взмахом руки.

– Но, как известно, Глашатай не вечен. Аватар дряхлел, и все понимали, что его смерть лишь вопрос времени. Твоему господину Мавату следовало явиться в Ираден загодя, посоветоваться с распорядителями и четко обозначить свое стремление взойти на скамью.

– В последние годы господин Мават, не жалея сил, защищал наши границы от вербов, – холодно парировал ты.

– Защищал, – согласился Дэра, – за что все мы ему чрезвычайно признательны. Особенно те, кто вроде нас с тобой обосновался по ту сторону леса. Кому, если не Мавату, вести наши войска? Кто возглавил их в его отсутствие?

– Лорд Айру, – как можно равнодушнее ответил ты.

– Лорд Айру? Тот самый? Знаю такого. Наслышан. Великим стратегом его не назовешь, но человек он, бесспорно, отважный. И честолобивый.

– Не поспоришь.

– А ты неплохо осведомлен, – съехидничал Дэра. – Так или иначе, твоему господину следовало вверить защиту границ Айру, а самому периодически наведываться в Вастаи, чтобы мы могли получше узнать его и хотя бы в общих чертах представляли, чего ждать от нового Глашатая.

В ответ на упреки ты судорожно стиснул зубы. Заметив твою реакцию, собеседник поспешно добавил:

– Конечно, он блестяще проявил себя на поле брани. Вообще, трудно упрекнуть Мавата за стремление держаться подальше от отца.

Ты озадаченно нахмурился:

– Не совсем понимаю, о чем вы толкуете, господин распорядитель.

– Да неужто? Ладно, сделанного не воротишь. Если Мават нами пренебрег, то Гибал напротив. Невзирая на наши разногласия, Гибал отнюдь не... сумасброд, в отличие от братца. Ну а коли Мават сердится и негодует – что вполне резонно, – не беда. Твой господин молод, статус наследника у него никто не отнимал. Пока Гибал восседает на скамье, Мават пусть учится укрощать свой гнев, пусть докажет, что не похож на отца. Не обязательно быть Глашатаем, чтобы трудиться на благо Ирадена.

– Где гарантия, что новый Глашатай не назначит нового наследника? – Ты не спеша поднес к губам пиво, отхлебнул. Поставил кружку обратно на стол и договорил: – Прикрываясь недостатками нынешнего.

– Мой тебе совет, Эоло, – не забывай про свой акцент. Здесь тебя по достоинству не оценят.

Ты моргнул, на секунду смешался, но быстро взял себя в руки.

– Отвечая на твой вопрос: да, Глашатай может избрать другого наследника, но только с согласия совета, Матери Безмолвных. Ну и самого Ворона. Иначе никак. Его кандидатуру на скамью одобрили лишь потому, что он обещал сделать Мавата преемником. Хотя Гибал взошел на скамью при непосредственном участии распорядителей, кое-какие опасения у нас остались. Желательно, чтобы твой господин перестал играть в затворника и занялся насущными проблемами.

Ты вперил в собеседника взгляд и произнес:

– Какими, например?

Словно опасаясь чужих ушей, Дэра придвинулся к тебе вплотную и понизил голос:

– Обосновавшись на скамье, Гибал завел речь о том, чтобы перенести владения Ворона в град Вускцию.

Ты снова моргнул – раз, другой, третий.

– Чего?

– Того, – огорченно вздохнул Дэра. – В граде у совета мало власти, там хозяйничает Глашатай. Либо его сановники. Почти каждодневно они курсируют через пролив за указаниями. Конечно, с советом считаются и на том берегу, кроме того, все мы осознаем преимущества присоединения града Вускции: Глашатай получает процент с каждого судна, пересекающего пролив, иные грузы достаются Ирадону через торговлю и подношения. Да и многие распорядители, включая меня, имеют долю в кораблях, а посему регулярно навещают в град. Но если Глашатай переберется из Вастаи, не лишимся ли мы солидной части благ? Не зачахнет ли торговля, не иссякнут ли подношения? Захочет ли деловой люд оставаться в Вастаи, коль скоро все активы сосредоточатся в граде Вускции? Распорядители там не пользуются авторитетом и постепенно утратят всяческое влияние на скамью. Вероятно, Глашатай этого и добивается. Угнездившись в Вускции, станет ли Глашатай – и сам Ворон – впредь заботиться о процветании Ирадена?

– Разве может Глашатай покинуть Вастаи, не нарушив зарок, данный Вороном богу Безмолвного леса? – изумился ты.

– Гибал считает, что может. Пойми, напрямую он не заявлял о своем намерении пересечь пролив, только намекал, что такой вариант не исключен. Но ведь намеки не из воздуха берутся. Ну а коли... – Дэра покачал головой. – Коли Ворон изобретет способ обойти зарок и покинет нас, Ирадону точно несдобровать. Знаю, знаю... – Он предупредительно выставил ладонь. – Лес никуда не денется. Довольствовались же мы им до появления Ворона. Впрочем, времена тогда были другие.

– Господин распорядитель, правильно ли я понял, – спокойно и рассудительно заговорил ты, – вы хотите через меня донести до господина Мавата, что поддержите его вступление на скамью только при условии сохранения первенства за Вастаи?

– Хочу. Впрочем, Мават наверняка хочет того же. И потом, еще не закрыт вопрос с исчезновением его отца. Вдруг Ворону вздумается затребовать с Глашатай плату? Гибал уверяет, что тревожиться не из-за чего, якобы долг числится только за отцом Мавата, а уж Ворон измыслит, как призвать его к ответу или наказать. Похоже, его совсем не заботит, какие обязательства на него возложат после того, как проклянется яйцо и родится новый аватар. Лично я не представляю. – Распорядитель снова покачал головой. – Ладно, проживем – увидим.

– Господин Дэра, если Глашатай не дезертировал, то куда он делся?

Дэра сгреб в охапку шелковую мантию и поднялся:

– Понятия не имею. Его искали, перевернули башню и крепость вверх дном, но все без толку. Да и потом, какая разница? Мать Безмолвных с попустительства... практически всего совета произвела Гибала в Глашатаи. С тех пор он восседает на скамье, и мы обязаны мириться с этим фактом. – Он набросил мантию себе на плечи, тщательно расправил. – Мне пора к Глашатаю. Однако я рад, что в лице моего соотечественника господин Мават обрел преданного соратника. Обращайся, если понадобится управиться с чем-либо по части Энды.

После его ухода ты закончил завтрак, встал. Завернулся в плащ, ступил на широкую, залитую солнцем площадь и, вытащив из нагрудного кармана два брелока, зашагал в крепость.

Дверь в покои Мавата была по-прежнему заперта. Поднос, оставленный накануне, убрали, заменив на новый, с миской уже заветренной ячменной каши, приправленной зеленью и горсткой квашеной репы. Все нетронутое. Ты постучал в дверь. Подождал. Постучал снова.

– Господин! Господин, это я, Эоло. – Ответа не последовало. – Гизет определила меня на ночлег по соседству. Если понадобится, она меня кликнет.

Из комнаты не доносилось ни звука.

– Проведаю вас завтра.

Ты бродил по крепости, стараясь заглянуть в каждый уголок. В открытую не глазел, но определенно что-то искал. Воронов рассматривал с любопытством, они косились в ответ, хотя и без особого интереса. Впрочем, редкий обитатель крепости удостоивал тебя взглядом, за исключением часового, который пристально наблюдал за каждым твоим шагом, даже когда ты, запрокинув голову, уставился вверх.

– А ну проваливай, – скомандовал стражник, видя, что ты не движешься с места. – Чего застыл столбом?

– Какая тут высота? – прикинулся ты простачком (часовой презрительно закатил глаза). – Можешь скалиться сколько влезет. Я ведь в Вастаи отродясь не бывал.

Ты нахохлился, по совету Дэра не забывая про акцент.

– Это мы догадались, – возвестила у тебя за спиной Тиказ и уже тише добавила: – Ну и что ты вытворяешь?

Ты кивнул на башню:

– В жизни не видывал такой высоченной конструкции.

– Хватит лицедействовать, – поморщилась Тиказ. – Мават не выбрал бы себе в подручные идиота.

Ты невинно захлопал ресницами. Не повышая голоса, Тиказ сказала:

– А ты, насколько мне известно, совершенно случайно завтракал за одним столом с лордом Дэра из Распорядительного совета.

Тебе не удалось скрыть изумление.

– Я тоже там была. Дочь хозяйки – моя закадычная подруга.

Спохватившись, ты изобразил покаянную гримасу:

– Простите, госпожа, я слишком увлекся трапезой. Впредь обязуюсь смотреть по сторонам, чтобы не пропустить вас.

Тиказ фыркнула.

– Я действительно беседовал с господином распорядителем Дэра. Он принял меня за уроженца Энды, потому и подошел.

– А чего он хотел от Мавата? – сощурилась Тиказ, скрестив руки на груди.

– Сие мне неизвестно. А скажите, госпожа, из крепости нет тайного хода, откуда можно незаметно ускользнуть?

– Так вот что у тебя на уме. – Тиказ не расплела рук и взирала на тебя скептически. – Башню и крепость обыскали вдоль и поперек, но его не нашли.

– Я вовсе не о том спрашивал, госпожа.

– Из крепости в крепость нельзя попасть незамеченным. Вдоль стены расставлены патрули, даже море под наблюдением. И никто ничего не видел.

Ты открыл было рот, но Тиказ не дала тебе вставить слово:

– Так или иначе, в Вастаи его нет.

– Спасибо за помощь, госпожа.

Ты чуть наклонил голову, самую малость, и повернулся, чтобы уйти.

– Так вот чем ты занят, – недоверчиво протянула Тиказ, по-прежнему шепотом, чтобы слова не достигли посторонних ушей. – Твой господин лишился скамьи, народ гадает, почему на место законного наследника водворился его дядя, гадают, какотреагирует Ворон, когда вылупится яйцо, как случившееся повлияет на уговор с лесом, чем все обернется для Ирадена, какой кусок намерены урвать распорядители, а у тебя одна печаль – сыскать дезертира?

– Считаете, Глашатай и вправду дезертировал?

– Да какая уже разница. Главное, власть теперь у Гибала. Нравится Мавату или нет, ему придется смириться. Так и передай. Скажи, я велела.

Ты промолчал.

– Что ты наболтал Дэра?

– Практически ничего, госпожа.

Ты снова отвесил короткий поклон и поспешил прочь.

Ступив на площадь перед крепостью, ты окинул пристальным взглядом стены близлежащих зданий – гладкие, без единого выступа и зазора, без укромных уголков и сараюшек, коими изобиловали соседние площади и дворы. В таких стенах не спрячешься, не затаишься – желтоватый песчаник, разогретый полуденным солнцем, стоял сплошным монолитом. Ты блуждал по тропинкам вдоль насыпи. Тщательно исследовал ее, но исподтишка, дабы не привлекать внимание часовых, патрулирующих стену. Потом снова пересек площадь, дошел до противоположного конца стены, граничащего с портом. С моря дул сильный ветер, даже на теплом песке ты основательно продрог. Через пролив, у белых причалов града Вускции, сгрудились корабли. На волнах раскачивалась небольшая флотилия рыбацких лодок, ближе к берегу дрейфовали привязанные к сваям мачтовые корабли с убранными парусами. Их вид поверг тебя в недоумение. Полагаю, ты рос вдали от моря и ничего не смыслил ни в судах, ни в приливах.

Ты отыскал местечко подальше от воды и, опустившись на песок, наблюдал за суденышками, бороздящими морские просторы, наблюдал, как отлив обнажает широкий каменный спуск, простиравшийся до корабельной стоянки. Наблюдал, как крохотные шлюпки одна за другой переправляют на берег пассажиров: попадались среди них импозантные мужчины и женщины в одеждах из черной тонкорунной шерсти, за ними, волоча кожаные баулы с табличками и стилусами, семенили слуги. Вероятно, в памяти твоей всплыли слова Дэра о вельможах из града Вускции, что регулярно навещаются к Глашатаю за советом. На твоих глазах рыбацкие суда причалили к берегу и свалили на песчаную полосу улов. Разбирать рыбу кинулись местные снабженцы, в их числе – кухонный персонал из крепости и дочь хозяйки постоянного двора.

«Твой отец бесследно исчез», – оговорил Мавата Радих. Его искали в башне, в крепости, в городе, но все без толку. Но вот загвоздка – незаметно покинуть крепость он не мог. Похоже, загадочное исчезновение Глашатая не давало тебе покоя. Ты ломал над ним голову, вместо того чтобы подумать, как Мавату обратить ситуацию в свою пользу и какими последствиями она чревата для тебя. Впрочем, тебя могли занимать все три вопроса, с упором на первый.

Вдоволь налюбовавшись морскими просторами, ты поднялся, стряхнул с ног налипший песок и возвратился на постоянный двор. Общая зала практически опустела, лишь трое ксуланцев по-прежнему сидели у очага.

Приметив тебя, один из иноземцев ткнул локтем товарища, кивнул в твою сторону и что-то зашептал. Третий поднялся тебе навстречу:

– Здравствуй, добрый человек. Ты ведь в услужении у князя Мавата?

Ты замер, вытаращил глаза, но промолчал.

– Я упражняюсь в ираденском. Сделай милость, присядь, выпей пиво и разреши поупражняться с тобой.

– Вы говорили с Глашатаем? Он дал позволение пересечь пролив?

– Хм...

Росту твой собеседник был среднего, однако под шерстяным плащом различались широкие плечи, а обнаженные руки и ноги бугрились мускулами, как у атлета. Или у воина. Правда, вместо меча на поясе у него болтался короткий нож, какой носят и обыватели.

– Царь не посылать за нами сегодня. Мы ждть.

Ты моргнул и поправил:

– Мы ждем. Ждем, когда Глашатай пошлет за нами.

Иноземец нахмурился, но через мгновение расплылся в улыбке.

– Мы ждем, когда Глашатай пошлет за нами, – повторил он. – Но вряд ли он послать за нами сегодня. Садись, друг, выпей с нами.

– А мы друзья?

Ты уже вознамерился опуститься на скамью напротив двух других ксуланцев, как вдруг из короткого рукава туники собеседника высунулась темно-коричневая змеиная голова – ты инстинктивно отпрянул. Черный раздвоенный язык ощупывал воздух.

– Это всего лишь змея, друг, – успокоил ксуланец. – Хороший змея. Добрый. Не волнуйся.

– У тебя змея в домашних питомцах? – протянул ты, с трудом скрывая недоумение и тревогу.

– Она не питомец, а друг.

Ксуланец широко улыбнулся, поднес руку к груди, и змея выскользнула наружу. Ее туловище было светло-коричневым, на спинке – темные крапинки. Длиной рептилия не дотягивала до трех футов. Раздвоенный язык вновь принялся исследовать воздух.

– Очень хороший змея. Благодаря она у нас нет никаких хлопот с мыши. Садись!

Ты опустился на скамью. Ксуланец устроился рядом.

- Ты странствовать в град Вускция? – спросил он (змейка юркнула обратно под тунику).
- Нет.

Иноземец наполнил твою чарку из глиняного кувшина. Ты старался не замечать, как змея немигающим взглядом наблюдает за тобой из прорези туники.

- Мне и в Вастаи до сих пор бывать не приходилось, – сказал ты.
- Но ты ведь в услужении у князя Мавата.

– Я его соратник, – поправил ты. – Господин Мават несколько лет провел на юго-западе. Я сам из южных краев, тех, что по ту сторону леса.

– Леса! – воскликнул чужеземец (его товарищи переглянулись, очевидно, не в силах уловить суть вашей беседы). – Почему вы звать лес тихим?

Ответить ты не успел: в залу нагрянул сопровождавший ксуланцев толмач и двинулся напрямик к вашему столу.

– Ну, докладывай, – на вербском обратился к нему сидящий подле тебя ксуланец. – Какие вести?

- Царь не примет вас сегодня, – откликнулся на вербском толмач.

Судя по выговору, сам урожденный верб. И не побоялся же соваться в Вастаи! Не иначе как ксуланцы заплатили ему целое состояние. Их путь почти наверняка пролегал через территорию вербов. Вероятно, подзадержались там ненадолго, – по крайней мере, твой собеседник владел вербским вполне сносно.

Выслушав сводки, ксуланцы посоветовались на незнакомом, третьем языке и снова обратились к толмачу на вербском:

- Кто с тобой говорил?

Ты сидел не шелохнувшись, не поднимая глаз от чарки. Толмач покосился на тебя, потом на твоего соседа:

– Старейшина. Он сказал, у царя сейчас иные заботы. Может, он пошлет за вами завтра, а может, и нет.

– Ну, время пока терпит, – изрек сидящий подле тебя ксуланец. – Но такими темпами на север мы попадем не раньше весны, когда сойдут снега и лед, которыми нас так страшат.

– Думаю, он хочет еще даров, – вставил толмач. – Ваша щедрость только распалила его аппетит. Народ здесь алчный.

Сосед повернулся к тебе и произнес на ираденском:

- Царь не сумеет принять нас сегодня.

– Нет? – невозмутимо откликнулся ты, лишь самую малость подивившись такому исходу. – Какая досада. А давно вы здесь обретаетесь?

– Четыре недели, – доложил твой собеседник. – Прежний царь вообще не пускать нас на порог. Новый намного лучше. Но мы все равно спешить.

- Куда? – осведомился ты.

Ксуланец озадаченно нахмурился.

– На аудиенции ваш переводчик говорил, будто вы ведете летопись своих странствий для земляков. Столько усилий ради путевых заметок? Сомнительно, – заметил ты.

– Ах, друг, просто ты не... Забыть слово. – Ксуланец глянул на толмача и снова перешел на вербский: – Как называется человек, который много путешествует, изучает разные традиции и культуры?

Толмач пожал плечами и принялся перечислять на ираденском:

– Путешественник? Странник? Искатель? Хотя ни одно из них полностью не отражает суть, – уже на вербском присовокупил он.

– Искатель сгодится, – решил ксуланец. – Такой человек ничего не жалеть, он пойти на все ради новых открытий. Мы стремиться познать мир.

Ты недоверчиво сощурился:

– Вы таскаете с собой бога. Неужели ради странствий и новых впечатлений?

– Хм. – Ксуланец смутился, как человек, которого поймали на лжи. – Наша змей – совсем маленький бог, а изыскания дорогой... Мы нуждаться в еде, транспорт, одеяния, дары для тех, кто нам помогать. Чем дальше мы путешествовать, тем больше нуждаться, а путешествовать мы долго и далеко. Мы не так богаты, друг мой, чтобы платить за все из своего карман. Но говорят, на севере водится золото, если мы найти его, то непременно поделиться с тем, кто снабдил нас всем необходимым для поисков. Понимаешь?

Трудно было не понять.

– Вы ищите не все подряд, только ценности, а заодно – безопасный способ доставить их обратно в Ксулах.

– Ты все понимать верно, друг, – закивал ксуланец. – И всем хорошо. Разве нет? Мы искать, чего хотеть. Если находить золото или прочие ценности, наш спонсор получать сколько хотеть. Если мы переправлять золото через Вастаи, царь получать свою долю. Видеть, всем хорошо.

– При условии, что Ксулах не передумает делиться золотом. Ну или прочими ценностями, – рассудительно заметил ты.

– Ох, друг, – укорил собеседник. – Ксулах очень-очень далеко. А золота может и не быть. Ксуланец смерил тебя оценивающим взглядом.

– Князь Мават, его... – Он замешкался, подбирая нужное слово или фразу целиком. – Народ Ирадена любить его?

– Он преемник Глашатая, – недоуменно отозвался ты.

– Да, конечно, – подобострастно закивал ксуланец. – Меня интересовать не народная любовь. Если князь задумать стать королем, народ его поддержать? Или... – Он помедлил, подыскивая слово. – Кто-то из богов благоволить князю?

Ты ошеломленно воззрился на него и повторил:

– Он преемник Глашатая.

– Само собой. – Ксуланец замахал руками, отменяя твои возражения. – В Вастаи правит один бог, но есть и другие.

– Вороны вообще мерзкие твари, – вставил топтавшийся у стола толмач. – Только об этом помалкивай, иначе наживешь неприятностей.

Ксуланец и бровью не повел:

– Ныне малый бог не вечно оставаться таковым. Если сыщутся благодетели.

Потрясла ли тебя последняя реплика? Ты родился на ферме, к югу от Безмолвного леса, и наверняка намеренно не встречал малых богов. Однако ручаюсь, перед сепарацией ты spryskival землю молоком, или окроплял живительной влагой камень у колодца, когда тебя посылали за водой, или напевал песенку, пока наполнял ведро. А твоя семья не употребляла в пищу мясо конкретного зверя.

– В Ирадене малых богов не водится, – с ноткой негодования объявил ты. – За ними отправляйтесь на юг, к вербам. Там божков пруд пруди.

Толмач нахмурился, но промолчал.

– Малые боги повсюду, – возразил ксуланец. – В Ирадене они скрываться? Наверное, ждут царя, который позволит им не таиться боле. А князю, похоже, нынешний царь не по нутру.

– Глашатай, – процедил ты и резко отодвинулся от стола, намереваясь встать. – Вы совсем не разбираетесь в местных порядках.

Ксуланец ухватил тебя за предплечье:

– Не сердись, друг, не сердись. Если я обидеть тебя, то не нарочно. Не сердись.

– Не обидел, – заверил ты ледяным тоном и выразительно покосился на ладонь, которую ксуланец тотчас отдернул.

Ты поднялся и зашагал прочь; змея, высунувшись из-под руки чужеземца, ощупывала языком воздух тебе вослед.

Как я уже сказывал, Мириада много странствовала по свету. По крайней мере, много в сравнении со мной. Она преодолевала изрядные расстояния сама или сопровождала охотников на оленей. Зачастившее ко мне племя было из сонма тех, что кочевали по северным землям, и все эти племена состояли в родственных отношениях. Мириада поведала, что раз в несколько лет, летом, они собираются на востоке, чуть южнее моего лежбища, у реки, вытекавшей из озера. Охотники встречают старинных приятелей, обмениваются дарами; в час расставания кто-то наверняка покидает прежнее племя и примыкает к новому – вслед за другом, возлюбленной или просто чтобы сменить обстановку.

Именно там и тогда находили уникальные предметы. На первых порах – добротные, тщательно вытесанные каменные лезвия, фигурки из слоновой кости и оленьего рога, среди которых преобладали рыбки, птички, человечки: во-первых, они подкупали внешним видом, но чаще всего олицетворяли бога-фаворита, среди всех прочих падких на лесть. Навещающие меня охотники носили плоские камушки с выгравированным узором. В камне высверливали дырочку или надсекали его по бокам, привязывали кожаный шнурок и носили на шее или цепляли к накидке или рубахе. Все больше и больше народу являлось на сборища в подвесках, и Мириада не без удовольствия отмечала, что многие были украшены изображением комара. Попадались среди узоров и концентрические круги, символизирующие, как утверждала Мириада, меня. Впрочем, щеголяли в них преимущественно представители местного племени. В отличие от Мириады, я не осваивал новых территорий.

Со временем многое переменилось: вместо плотно сплетенной осоки и раскаленных камней пищу теперь готовили в каменных горшках. Изменился язык: в обиход входили новые слова, отмирали старые, какие-то звуки появлялись, какие-то исчезали. Даже то многое, почерпнутое у Мириады, оказалось заимствованным из совершенно иных языков с юга.

Я владел единственным языком, который грезился мне порождением самой природы, неотъемлемой частью мироздания. Такому восприятию способствовала скудная языковая среда, а также мое умение воплощать сказанное в жизнь. Разумеется, я уже привык к неспешным переменам и в глубине души понимал, что рано или поздно они доберутся и до языка. Сам факт существования других, непохожих на мой диалектов потряс меня совершенно.

Мириаду, в свою очередь, изумило мое изумление. Рассказывая о далеких племенах заимствованными у них словами, она не подозревала, что я воспринимаю их исключительно в контексте родной речи и даже интуитивно не догадываюсь, что взяты они из других языков. Мириаду изрядно позабавил сей факт. А поскольку о существовании иных, диковинных языков она проведала многим раньше меня, то и к нашему обоюдному наречию относилась совсем по-другому. На мой вопрос, умеет ли она воплощать в жизнь сказанное на иноземных языках, Мириада целых пять минут описывала надо мной сосредоточенные, недоуменные круги и наконец изрекла: да, конечно, умеет. Неужели я всерьез думаю, что сила кроется в звучании слов? Как мне вообще взбрело такое в голову, ведь, во-первых, нынешнее произношение разительно отличается от исконного, а во-вторых, упираться все в артикуляцию, люди непременно обрели бы способность претворять свои речи в реальность. Ну и в-третьих, мне часто приходилось контактировать с охотниками посредством деревянных фигурок, начисто лишенных звучания.

Но вот такая штука: сообщаясь через фигурки, я не выполнял никаких просьб. Даже не предполагал, что такое возможно. Наконец, надо отдать людям должное – словами они достигали многого. Конечно, никто при мне не провозглашал: «Сейчас я оторву ногу от земли», а через мгновение воплощал оное действие, хотя сам я однажды пробовал, предварительно оценив, хватит ли мне сил исполнить сказанное без ущерба для себя. (Каюсь, был любопытен и падок на новые ощущения.) Но мне всегда казалось, что моя способность влиять на порядок вещей отличается от человеческой только масштабом.

Меня ничуть не тревожили метаморфозы говора (а иногда и грамматики). Неспешные перемены затрагивали все, в том числе правила речи. Главное ведь не порядок слов и их звучание; главное – употребить нужные слова в нужном месте, в нужное время.

Мириада была склонна согласиться со мной, но не во всем. Мы еще долго дискутировали, выдвигали разные аргументы, но в одном мы были солидарны: в беседах о природе вещей богам следует соблюдать осторожность. С могущественного бога, вероятнее всего, не убудет, заяви он: «Земля круглая, будто ягода, и вращается вокруг Солнца, которое намного больше, чем видится невооруженным глазом», предварительно не удостоверившись в правдивости такого заявления. Вероятнее всего. А если бог ошибется? Достанет ли ему сил пережить утрату могущества, хотя бы отдаленно приближенного к тому, чтобы менять устройство вселенной? И не чреваты ли аналогичными, а то и худшими последствиями категоричные рассуждения об устройстве языка? Поэтому в наших речах преобладали страховочные «гипотетически», «вероятно», «допустим» либо проверенные, достоверные факты. Далеко мы в своих выводах не продвинулись.

Оставшись один, я много размышлял о словах Мириады. Было любопытно, что случится, произнеси я реплику на чужом, неведомом мне языке? Претворятся ли в жизнь слова, чей смысл не понимаешь? А фигурки, не издающие никаких звуков (кроме постукивания, когда их встряхивают в мешке)? Наконец, почему конкретные слова обозначают конкретные вещи?

Еще я размышлял о богах, населявших землю задолго до людей, – человеческим языком они не владели, однако обладали колоссальной силой. Допустим, язык – не источник могущества, а один из его инструментов. Допустим, Древние просто-напросто пользовались другим. Но каким? И почему язык по-разному (как мне ошибочно виделось) действует на нас с Мириадой и на обосновавшееся неподалеку от меня племя? Казалось бы, ответ очевиден: люди – не боги (за исключением случаев, когда они служат богам вместилищами). Однако следом возникал еще более каверзный вопрос: почему у богов язык – инструмент куда более эффективный и опасный, чем у людей? Почему бог становится богом? Какова моя истинная природа?

Прошу прощения – привык рассуждать о своем в прохладной тиши северного склона. Стоит отвлечься, мысли сразу текут в старое русло. Но вернемся к моей истории.

Время от времени на севере воцарялась стужа, вынуждая охотников на оленей искать пристанища в теплых краях; веками никто, даже Мириада, не нарушали моего уединения. Разумеется, меня не забывали – раз в несколько лет мне посылали молитву или подношение, зачастую (но не всегда) сопровождавшееся просьбой. Изредка я представлял суть прошения – хотя бы в общих чертах, но обычно дело ограничивалось смутными ощущениями. Любуясь снегом, стаями перелетных гусей, звездами, что водят на небосводе медленный хоровод, я периодически задавался вопросом, возможно и нужно ли мне исполнять туманные просьбы. Иногда сами подношения таили в себе подвох: охотники неоднократно проворачивали такое в моем присутствии, и сразу чувствовалось, как малая сила молитвы нависает над тобой, гнетет, заставляя исполнить просьбу и, как следствие, принять дар. Однако последнее слово оставалось за мной.

Почему просто не удовлетворять каждое прошение? Слишком опасно. Вдруг проситель захочет моей смерти? Или, по неведению, пожелает зла себе, а то и всему человечеству? Оправдывает ли подношение такой риск? Возможно ли оправдать его в принципе? Ответов я не знал, а потому не исполнил ни единой просьбы в тот период.

Сказывали мне однажды: жил на свете бог, предпочитавший обличье белого гуся, и благоволил он некой женщине. Благоволил так, что одарил ее уникальной вещицей. Богоизреченные предметы в Ирадене встречаются редко – человеку сведущему по пальцам одной руки перечесать. За пределами Ирадена они попадают чаще (наверняка тебе случалось видеть амулеты, какими вербы оборонялись от войск Ирадена), однако в изобилии их не водится нигде. Либо на свете мало отчаянных (или достаточно могущественных) богов, дерзнувших сотворить такие диковины, либо они приказали долго жить вскоре после дерзкого деяния.

В нашей истории богоизреченным предметом стал наконечник копья, выточенный из обсидиана. Раз в сутки божья любимица могла метнуть наконечник в любую цель – со смертельным исходом.

Наделять предметы такими полномочиями опасно – малейшая оговорка может оказаться для бога роковой, ему просто не хватит сил исполнить сказанное. Вот почему мы всегда стараемся говорить конкретно. Возьмем, к примеру, самую безобидную фразу: «Я переправлюсь через реку». Люди спокойно переправляются через реки – большие и малые – безо всякой или с минимальной божьей помощью. Ну какую опасность эта реплика таит для бога?

Загвоздка в том, что воплотить сказанное можно по-разному. Способов пересечь реку много: по мосту, на пароме или вброд. А еще – по воздуху, но если речь не о птице или ином летающем объекте, тогда полет обойдется богу недешево. Или, допустим, вы стоите на берегу, потом исчезаете – и внезапно появляетесь на другом. Разумеется, провернуть такое под силу лишь избранным – не удивлюсь, если Мириада стремительно курсировала между многочисленными комариными обличьями и камнем, которым она рухнула на землю. Однако в большинстве случаев такое перемещение либо недостижимо, либо чересчур энергозатратно для любого из известных мне богов. Короче говоря, в реплике «Я переправлюсь через реку» нет ни малейшего намека, как и когда это произойдет. А как и когда – вещи фундаментальные.

Впрочем, в услышанной мною истории гусиный бог наделил наконечник силой безо всякого ущерба для собственной персоны. Ведь охотник действительно прицеливается и мечет копье, а значит, оно движется в более-менее верном направлении. Ну а добиться смертельного исхода легко – достаточно чуть откорректировать траекторию и увеличить скорость броска. Кроме того, уникальными свойствами наконечник наделялся всего раз в сутки, да и то в руках конкретного человека. Иными словами, гусиный бог принял все разумные меры предосторожности.

Шли годы, охотница умерла, чудодейственный наконечник возложили на ее могилу. А много-много лет спустя его обнаружил человек, в божественных дарах ничего не смысливший. Он понял только, что нашел ценную вещь, и, воротившись домой, вручил ее сыну, который – по воле случая или по замысловатому стечению обстоятельств – был тезкою законной владелицы наконечника.

Полагаю, минуло немало лет, и про наконечник с его хозяйкою благополучно забыли (а вместе с ними позабыли и о том, как обозначали могилы в прежние времена), однако гусиный бог по-прежнему благоденствовал. Именно он первым узнал наконечник. И ощутил потенциальную угрозу. Он-то надеялся, его обязательства умерли вместе с охотницей. Наделся, ее имя уникально, аналогов ему нет и не будет. Надежды не оправдались. Впрочем, опасность была невелика, но гусиный бог четко представлял, насколько катастрофическими могут оказаться последствия.

Новый владелец еще не осознавал, какая вещь попала ему в руки, – однако наконец-ник именовал не иначе как талисманом. Пожалуй, оптимальным решением было заполучить «талисман» обратно, убрать его с глаз долой и ждать, пока гусиный бог не изобретет способ избавиться от него.

Рассудив так, белый гусь явился к обладателю наконечника и потребовал его в качестве подношения. Отказать богу человек не смел, однако ему до боли не хотелось расставаться с лучшим оружием, которое по меньшей мере раз в сутки точно поражало цель. По иронии судьбы гусь обратился к человеку, когда тот собирался на охоту. Вспылив, он в сердцах швырнул наконечник богу.

Постепенно мороз и стужа отступили, ко мне возвратились люди. Охотники на оленей, пастухи разбили лагерь на болотистом участке между моим склоном и рекой, однако они говорили совсем на другом языке и именовали себя иначе – кальютами. Прежние народы питались олениной и рыбой, изредка – гусятиной, нынешние почитали гусей за священную птицу и, как следствие, не употребляли их мясо в пищу. Они и поведали мне историю о гусином боге и его противостоянии сокрушительной силе, им же порожденной.

Кальюты пользовались глиняными лампадами взамен привычных мне каменных. А еще у них водились металлические ножи. Пока я прозябал в одиночестве, стихийный лагерь у озера трансформировался в крохотное постоянное поселение. Странники, чей путь лежал на восток или на юг, свозили туда разные вещицы – найденные, выменянные, – зазывали иноземных гостей. Те, в свою очередь, общались с народами на крайнем востоке и юге, и постепенно озерный лагерь разросся до одного из ключевых центров в паутине связей, простиравшихся от севера на восток, к горам, и через юг к Горбатому морю. Лагерь (а с ним и племена, кочующие по северным территориям) медленно, но верно пополнялся новыми людьми и предметами обихода: гончарной посудой, тонкорунной крашеной шерстью, стеклянными бусинами и металлическими изделиями, отлитыми на севере. Для кальютов все вышеперечисленное давно уже не было в диковинку, в отличие от меня.

Несмотря на чуждый язык, они знали Мириаду (она явилась вместе с ними и сразу полетела ко мне), знали меня.

– Тебя не забыли, – вещала Мириада. – Говорят, будто ты спас ребенка от утопления! А еще спас целую семью от голодной смерти! Они воззвали к тебе и обнаружили в опустевших закромах запас сушеной рыбы.

– Моей заслуги в этом нет. Ко мне вроде бы обращались с просьбами, но я не выполнил ни одной. Не имею привычки соглашаться неведь на что.

– Мудрое решение, – одобрила Мириада. – Впрочем, как посмотреть. Вообрази, какую славу и могущество ты бы обрел, помогая всем просителям много веков кряду.

– Меня не заботят ни слава, ни могущество, – заверил я.

– Не заботят? – изумилась Мириада. – Бесконечные просьбы бывают утомительны. Но в целом мне нравится.

Думаю, Мириада не кривила душой. Ей нравилось скитаться по белу свету, встречаться с богами, людьми, нравилось, что все ее знакомцы связаны, объединены коммерцией и странствиями. Отчасти поэтому кальюты, не скупясь, снабжали вчерашний лагерь древесиной.

Ты вырос на краю могучего леса и наверняка с детства привык бродить среди деревьев, мастерить из них всякие вещицы, пользоваться деревом в быту. Привык собирать поломанные ветки – предварительно сотворив молитву лесным богам – и складывать из них костер. Буднично, банально. Вот только деревья не терпят холода. Нет, попадают среди них и морозо-

устойчивые экземпляры, но на крайнем севере, где снега сходят лишь летом, не растет ничего, кроме чахлых ивовых кустов. А ведь не секрет, что древесина – материал универсальный, востребованный. В прежние времена охотники на оленей довольствовались плавучим лесом: сучьями, стволами, обломками кораблей. Годами их носило по морям, пока не выбрасывало куда-нибудь на северный берег. Регулярность поставок хромала, что не умаляло ценности плавучих пород, поэтому даже меня, сухопутного, молили раздобыть для страждущих партию добротного леса. Насколько мне известно, ни одному северному богу не под силу исполнить такую просьбу.

В отличие от бога южного. Как выяснилось, деревья, прибывавшиеся к нашим берегам, плыли из лесов, что простирались вдоль южных рек. Время от времени поваленные стволы падали в воду, их уносило в открытое море, а уже оттуда – течением на север. Но как наладить этот процесс, сделать его бесперебойным? Поиск ответа растянулся на годы. Откуда бралась древесина? Из каких лесов, рек, потоков? Волею каких обстоятельств дерево из града Вускции оказывалось в ледяном северном море? Разобравшись с насущными вопросами, приступили к переговорам: кто из людей и богов властен над этими обстоятельствами? Что они хотят в обмен на свое содействие?

Мириада была не единственной северной богиней, вовлеченной в проект, но, безусловно, неоценимой. Она первой озвучила упомянутые мною вопросы и придумала, как отыскать ответы. Пока я предавался многовековым раздумьям, Мириада двинулась на юг – выясняла, созывала, убеждала богов сплотиться и совместными усилиями добиться бесперебойных поставок леса на крайний север. В конечном итоге две группы богов – самые влиятельные северные и клика, обитавшая на северном берегу Горбатого моря, – заключили соглашение: южные боги обязуются валить и сплавлять на север определенное количество деревьев в обмен на долю от подношений северных народов (включая кальютов, их мореходную родню и соседей, чье пропитание зиждилось на тюленях и китах), а сверх того – партию тюленьих шкур и обсидиана.

– Подо льдом наверняка таятся несметные богатства, – размышляла Мириада. – Анализирую сейчас информацию о залежах ценных пород. Думаю, и у нас найдется много интересного, если хорошенько копнуть в правильных местах.

В остальном заключенный союз устраивал ее целиком и полностью.

– Мне стоило немалых трудов добраться до тебя. Я заручилась согласием, что ты прикнешь к северному альянсу. Если, конечно, пожелаешь и принесешь данные всеми нами клятвы.

– Спасибо за заботу, – поблагодарил я, обдумав предложение в рекордно короткие для себя сроки, не более двух часов. – Однако я предпочитаю оставить все как есть.

– Собираешься всю жизнь прозябать валуном на склоне? Неужели тебе не хочется странствовать по свету? Открывать для себя что-то новое? Ты ведь мыслитель, все задаешься вопросами, ищешь ответы. Путешествия, новые знакомства помогут тебе в поисках, обогатят мыслительный процесс. Короче, от перемещений ты получишь удовольствия не меньше, чем от созерцания небес. А то и больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.